

Мария Мансурова

Творящая тишина

роман

Москва 2013

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 23

Художественное оформление *Л. Журбицкая*

В оформлении переплета
использована картина
Мари Мансуровой «Танго»

Мансурова М.

М 23   Говорящая тишина: роман. — М.: Адвансед солюшнз,
2013. — 120 с.

ISBN 978-5-904269-78-4

Танго сжимает вселенную до трех с половиной минут, до последнего глотка воздуха, пока кровь не хлынет горлом, обнажая беспощадную реальность. Жонглируя собственными жизнями, герои падают в болото вседозволенности и сверхвозможностей. Связанные проволокой ненависти, они мечутся между раскаянием и ложью. И снова все, все на одну карту... Ради подлинного освобождения. Оставляя историю, о которой продолжает шептать – тишина.

ISBN 978-5-904269-78-4

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Мансурова М., 2013
ISBN 978-5-904269-78-4   © ООО «Адвансед солюшнз», 2013

El silencio

Oye, hijo mio, el silencio.

Es un silencio ondulado,

un silencio,

donde resbalan valles y ecos

y que inclina las frentes

hacia el suelo.

Federico Garcia Lorca

Тишина

Слушай, сын, тишину —
Эту мертвую зыбь тишины,
Где идут отголоски ко дну.
Тишину,
где немеют сердца,
где не смеют
поднять лица.

Федерико Гарсия Лорка

*1. И небо над ними еще более мутное,
поднимает внутри стая гнилых листьев
и невыполненных обещаний...*

Все, все на одну карту. Кругом дым. Полоса пепла на горизонте Буэнос-Айреса, вздымающийся от колес песок на неровных улицах Катманду, Джеджу в кольце сентябрьского тумана. Очертания размываются, разрастаются, распадаются на обломки, частицы, атомы, чтобы стать соринкой, застрявшей в глазах, заставляющей плакать. И снова все, только за одно мгновение. Рог упа сабеза... Кровь с песком. Я буду ждать.

Поленья, охваченные пламенем, протяжно трещали. Хруст нарастал, просверливая в голове черную дыру. Огонь, он больше не мог слышать

его, видеть вздрагивающие рваные лоскуты. Взмах руки — и все что в стакане пытается заглушить пожар. Осколки стекла, бутылки. Виски вспыхивает в камине, заливая комнату жаром. Он ложится на ковер, вжимается в густой ворс. Если бы сомкнуть веки, уснуть, прыгнуть в фазу... Белое пятно, точка, с которой не слетает его внимание. Елохин Е.Н. Заключение судмедэксперта... Морг № 11... Смерть наступила в результате... Вспотевшими ладонями закрывает уши. «Это самая легкая смерть — во сне...», — голос мамы звонкий, как в детстве. Плотнее сжимает длинные пальцы. «Са-ма-я лег-ка-я смерть...» Он представляет свою ладонь, ощущает в ней легкое покалывание, туда-сюда — фантомное раскачивания. Шум ветра, запутавшегося в густых ветвях, превращается в гул. Рука обретает силу, вес. Еще чуть-чуть и она станет трамплином, с которого он прыгнет высоко, прямо к ней. Облака, дорога, вершина в снегу... Где ты будешь ждать меня? Но вместо этого снова мокрая дорога, а вокруг лес...

— Да... После занятия с тобой явно что-то происходит?

— Что же? — она смеется, громко, с детским озорством.

— Если б я знал... Ты становишься еще более... невероятной.

— А ты всегда — невероятный. Ты добрый, помогаешь людям. Но зачем, какого черта ты лезешь во все это? Зачем? У тебя все хорошо. Наслаждайся, мальчик-отличник. Машина резко тормозит. Правая рука мгновенно вырывается в сторону, чтобы придержать ее.

— Извини. Отвлекся. Голова что-то резко заболела.

— Ничего. — Она задерживает его руку. Их пальцы сплетаются, взгляд встречается.

— Лида...

— Что? — теперь ее улыбка мягкая и вкрадчивая. — Так странно дотронуться до тебя... После стольких лет. У тебя очень мягкая кожа... А я даже не знала.

— Мягкая?.. Это у тебя мягкая. Я думал об этом каждый раз. И не мог забыть. — Притягивает ее к себе. Левая — держит руль, правая приподнимает край платья, скользит по колену, добирается до гладкого, теплого бедра. — Что же это за пробка такая? Ты не знаешь? Авария... Не понимаю... — Она прижимается к нему, целует в шею, теребит волосы. Мелкие капли падают на лобовое стекло, небо темнеет, рядом сигналит грузовик, и тихий джаз наводняет пространство ее близости. Шелк, мягкий, тонкий... А под ним горячее и мокрое. Сжать, взять за волосы и опрокинуть... Но он всегда, всегда хотел ей помочь... Нежность в зелени зрачков, а может, насмешка. Мальчик-отличник... Только бы быстрее рассосалась пробка...

— А что он? Ты ведь не будешь с ним? Или уже?

— Нет. Конечно, нет. За кого ты меня принимаешь?

— Мало ли... Наколдовал.

— Он может колдовать сколько угодно. Этого недостаточно, чтобы обладать. — Средний палец вращается в жаркой воронке, на лбу выступают капельки пота, она расстегивает его ремень... Машинально, не глядя... Как будто делала это ты-

сячу раз, в машине, не с ним... Легкий стон срывается с ее губ. И все это для нее не стоит ничего... На колени. Она снова обнимает его. Зачем эта нежность, сучка? Одним резким движением сажает ее обратно, продолжает гладить. Наконец-то. Поехали.

Сворачивают с шоссе. Никого. Вокруг холодный, темнеющий лес, склонившийся под плетью дождя. Она что-то шепчет... Или ее глаза. Пытается припасть к губам. Отталкивает ее. Она замирает. Светлые глаза наполняет грусть, плечи начинают зябнуть. Складывает руки на груди, пытаясь заглушить смятение. Он бы погладил, приласкал... На одноразовой больничной простыне она казалась хрупкой, почти прозрачной... А рядом бедра — смуглые, горячие под плотно прилегающей тканью. Содрать. Разодрать изнутри. Конечно, врет. Трахалась с ним. Или будет трахаться. Может, не с ним. Но точно будет. В отчаянии резина впивается в грязный асфальт.

— Прогуляемся?

Пожимает плечами, оценивая смысл вопроса. Он ждать не будет. Выскакивает из машины, хлопает дверцей. Обхватывает холодное запястье, выдергивая ее под дождь. Ветки бьют по лицу, ноги вязнут в черной земле. Тянет, тянет ее за собой. Оступился. Падают в яму, в воду, листья, всхлипывания — ее и ветра. Вскокивает. И дальше — она босиком. Туфли в болоте. «Леша, пожди... Что же ты хочешь, Леша?» Дождь все сильнее. Сжимает. Задирает подол платья. Правой ладонью обхватывает шею, каждую венку, каждый позвонок. Ее сомкнутые веки... Что же он хочет?.. Когда так горячо внутри, а сверху такое

хрупкое... Достаточно одного резкого движения. Небо темнеющее и скользкое стонет. На колени. Молния рассекает пространство. Открой рот. Презирай. Я слишком долго ждал. Открой...

И она... Нет, не плачет. Обнимает ее. И она его — с нежностью, тоской, оберегая. И небо над ними еще более мутное, поднимает внутри стаю гнилых листьев и невыполненных обещаний. А ее лицо, как тогда, после операции, без единой кровинки. Лишь глаза, глаза... Уничтожить? Нет. Только убежать. Туфли, застрявшие в прошлогодней траве, порванные чулки. Включает обогрев сиденья.

— Только бы ты не простудилась. — Она вздрагивает. — Пристегнись, поедем быстро. — Ее левая бровь слегка приподнимается, из груди вырывается глубокий, хриплый смех. Не узнает его, ее, дорогу. Цепляется за руль. Внезапное прикосновение ее пальцев, как ожог. Сбрасывает, стряхивает ее руку. 80, 100, 120...

— Говорят, можно одновременно войти в фазу и встретиться там. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Это правда. Я давно хочу. Но не было подходящего человека. Попробуем? — с вызовом поворачивается к нему.

— Да. Только боюсь, мне за тобой не угнаться. — 140. Еще чуть-чуть и они точно там встретятся. — Нужен кофе. Правда, голова уже не болит. Ты это умеешь, да? Снимать боль?

Звон брелока на ключах. Идут в маленькое кафе на заправке, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. Ветер, холодный, режущий. Развевает ее волосы и черные перья на ее сумке.

— Лида... Может, ты птица? — обхватывает ее талию.

— Все, все может быть. Абсолютно все. Даже это, мальчик-отличник.

Они пьют эспрессо, чашку за чашкой, высыпая из бумажных пакетиков горсти сахара.

— И когда вы летите в Аргентину?

— 1 июля.

— У меня в Буэнос-Айресе одноклассница живет. Я дам тебе ее контакты. Мало ли что.

— Мало ли что.

— Хочу еще пирожок. Будешь?

— С яблоком.

Горячее тесто тает во рту, в пальцах, сохранивших запах ее кожи. И он уже видит лабиринт улиц Буэнос-Айреса, руку, с крупными неровными пальцами, тянущуюся к ней, опрокинутый кофе, и черное, черное пятно, расплывающееся на белой скатерти. Ее лицо все еще очень бледное, но глаза вспыхивают. В них насмешка, презрение и что-то стремительно безвозвратно отдаляющееся. А ведь он даже не успел попробовать. Наверное, к лучшему.

Дорога. Все машины стерты ластиком предвечернего часа. Кругом пустота. Шепот мокрого леса пытается проникнуть сквозь щели в стеклах. Встряхивает головой, сбрасывая пелену образов.

— Леша...

— Что?

— Жизнь никогда не перестает удивлять. С одной стороны, это обнадеживает.

— Таким ты меня не представляла? — усмехается через силу, — мультифокальная личность. Слышала об этом?

— Поясни.

— Доказано, что человеческая личность вмещает в себя не одну, а несколько. В зависимости от предложенных обстоятельств они проявляют себя. Между психиатрами, да и многими моими коллегами идет ожесточенный спор: есть ли доминирующая, которой подчиняются остальные, или они абсолютно автономны.

— А ты что думаешь?

— Раньше казалось, что есть. А теперь... Понятия не имею.

— Странно, что это не произошло раньше. В твоей больнице.

— В больнице... Где каждую секунду кто-то ломится в дверь. Но я думал об этом.

— Правда, для меня в этом не было бы ничего нового — трахаться в твоей больнице. Руль превращается в огненное колесо в руках, еще чуть-чуть и его не удержать. В его больнице... Неужели все-таки Мухаммед... Прекрасный специалист, уникальный в своей области. «Он похож на древнегреческую статую, профиль, осанка, а глаза голубые и кристально прозрачные...» — так она говорила. Проводимость нервных окончаний, иголки, воткнутые в голень, струйки крови ползут в низ, а доктор Мухаммед стирает красные пятна ватным тампоном, наклоняясь низко, слишком низко... Лето, его халат расстегнут, ветер еле уловимый сквозь приоткрытое окно, а на белых брюках огромное мокрое пятно между ног: «Спирт разлил, представляешь?» Или санитар, весь в веснушках, провожал ее к выходу, а там обморок...

— С кем?

— Не с тобой.

— Я в курсе.

— Догадайся.

— Даже не представляю... — желтоватые пятна спермы на белом халате.

— С Петей.

— А! Точно. С Петей.

— Было бы ужасно забавно, если бы ты нас увидел. Вовремя, я не могла отогнать от себя эту мысль.

С Петей. С его другом. Жаль, что кончился лес. Вокруг пики домов, город охраняет ее. Тормозит.

— Все. Пока. Удачи в Аргентине.

Она на дороге. Перья на сумке вздрагивают, расправляются под натиском ветра. Туфли облеплены комьями грязи. Но он оставляет ее. Отъезжая, смотрит в зеркало. Не пропустить бы момент, когда взлетит. Сучка — в его больнице... Кожа, ее кожа... Птица.

Господи, как трещат поленья! Хруст похож на ломающиеся кости, будто фундамент не выдержал здание и теперь оно падает, распадаясь на обломки. Да, он оставил ее. Даже сейчас, прокручивая в голове кадр за кадром, в нем поднимается глухая ярость, и он снова оставляет ее на дороге, продолжая искать к ней путь. Он почти готов выпрыгнуть из тела, фантомное раскачивание, вибрация — все получилось. Только открыть дверь, а там... Ли-Дия — озеро у подножия Кайлаша. Вода голубая и зеленая, сплетается. Живая и мертвая. Вокруг только пики гор, только ветер, поднимающий священный песок. Лето, тогда начиналось лето. Нет, еще была весна. Он пришел после пяти. Дома она была одна...

- Заходите.
- Давно не виделись.
- Да.
- Лида, вы как всегда прекрасно выглядите.
- Спасибо.

Она была в свободных шароварах, в майке с надписью «Rock&Roll Star», волосы забраны на затылке в свободный узел. Взъерошенность, лень, но, наверное, все дело в солнце, раскачивающемся за окном.

— Ну, посмотрим.

Ее тело, длинное, узкое растянулось на полу на черном коврике для йоги. Слегка прикрытые веки — и это уже плот, уносящий в Гангу ее горящие останки. Ладонью он провел по лицу, коротко и быстро, сбрасывая паутину неуместных образов. Ее спина, ребра, крестцовый выступ, ее боль и ее надежда — все повторялось.

- А снимки?
- Заключение тоже нужно?
- Несите все, что есть.

Перед ним лежала бумага с подписью и печатью о двух проведенных операциях. С подписью и печатью.

- Хотите кофе?
- Да..

Кофе... Каждый шаг плавный, мягкий, бесшумный. Бедрa слегка покачиваются. Разве возможно это после подобных операций?

- С сахаром? Со сливками?
- И то и другое.

— А сливки — горячие? — она смотрит в глаза, прямо, не моргая, коленом опирается на стул, слегка наклоняется вперед, и край ее майки чуть

отходит, отстраняется, дразня полоской обнаженной груди.

— Горячие. Так что Непал? Рассказывайте, как вас угораздило.

— А, Петя. Всем разболтал. Может, нам пора перейти на «ты»? — Кофемашина сверлит, рубит, варит...

— Давай.

— Ты знаешь, что такое «Випассана»?

— Примерно. Практика молчания, что-то такое...

Она придвигается ближе, опирается локтями на стол.

— Когда Будда не мог обрести счастье, он придумал Випассану. Эта практика, позволяющая нам обрести самих себя. Чтобы стать свободным, нужно найти в своей голове точку, с которой все началось, точку универсального страдания. Випассана — это операция на головном мозге, которую мы должны провести сами вопреки невыносимой боли.

Она говорила. Вечер легким шепотом окутывал стекла. Кофе был крепкий, слишком крепкий. Снимки, МРТ, анализы — проверить все. Не откладывая.

... Практика молчания — многие так говорят. Но молчание — всего лишь одно из составляющих, и поверь, далеко не самое сложное. Пройти через все — даже то, что невозможно вспомнить, через то — чего не могло быть...

*2. Из глубины чего-то темного, все еще
не теряющего надежду на мгновение света...
Смотришь, размешивая густой сахар,
постепенно растворяющийся...*

Красный всклокоченный песок оседал над городом полупрозрачной завесой. Я шла к Дворцовой площади, преодолевая многочисленные неровные изгибы улиц, наполненных запахами сандала и гнили. Ноги вязли в корявых жилах асфальта, в его трещинах, его предчувствиях. И голуби. Голуби струились надо мной, черной полосой разрезая небо, красно-голубое, далекое, тяжелое. Небо Катманду. Мокрое небо над обезвоженной землей. Площадь раскрылась передо мной, как цветок от порыва ветра. Храм. Он был как всегда — впереди. Я шла. И с каждым шагом

надежда становилась все острее, все мучительнее, жгла и жалила живот. Красные стены, красный дворец, и отблески солнца — красные...

Храм Кумари. Захожу во внутренний двор — ее нет. Возвращаюсь обратно, обращая взор на балкон. Ее нет. Солнце еще более красное. Голуби россыпью падают на камни, изрезанные жарой. Выйди ко мне. Выйди ко мне... Ее нет. Только птицы, хлопки изможденных крыльев и тени песка, красная пыль. Но уже не шершавые камни, что-то склизкое... Мясо, куски мяса, сочащегося кровью, разбросаны по площади. Сажусь в грязь. Нащупываю руками влажное, липкое. Подношу к лицу, ноздри щиплет горечь мертвой плоти. Впиваюсь. Вгрызаюсь в сырое мясо. И плачу. Жру и плачу. А ее нет. И мне пора тоже... Солнце уже вздрагивает в небе, высохшем и потрескавшемся. Встаю. Иду в разные концы площади. Две меня расходятся в разные стороны. С лицами, мокрыми от слез. Руками, испачканными кровью и песком. Катманду. Скоро наступит ночь. Мы продолжаем идти...

Конечно, конечно мы не могли поступить иначе... Оправдания нам ни к чему, для них не было места в этом утре, подкравшемся незаметно сквозь тяжелые бордовые портьеры, пропитанные обрывками снов и звуками исчезающего танго.

Теплый комочек меха, зажатый в руках крепко, слишком крепко. Лео, с взлохмаченной свалявшейся гривой, потом шуршание одеяла, полоска не исключенного света, доносящаяся из ванны... И белая, розовато-прозрачная кожа на спине, встревоженно потягивающаяся от внезапного гула будильника.

— Ирочка, пора вставать. Лео уже проснулся.
— Лео... Привет, дорогой! Как ты спал?
— По-моему, я не давала ему дышать.
— А ты? Удалось заснуть?
— Немножко. Надо торопиться. А то Хулио нас не дождется.

— Думаешь, может не дожждаться? Он знает, какой мы проделали путь. Он все поймет.

— Он единственный, кто что-то понимает. Но еще Ратуша, орган, *café con leche*, загадочная Катя, а вдруг по дороге попадутся камни?

— Только не камни! И почему ему не остаться с камнями?

Стук в дверь — звонкий, настойчивый. В ответ перекрестные взгляды красновато-невыспавшихся глаз и вспышка сдавленного смеха.

— Я открою, открою.

Ира забирается в белое махровое облако, на ощупь пытается отыскать пояс. Лида тихо, на цыпочках убегает в ванную. Струя горячей воды вырывается из крана. Похоже, этот день все-таки начался.

Рогалики были солеными и хрустящими, кофе жидковатым, но сладким и обнадеживающе горячим.

— Как спалось, Лидия?

— Прекрасно, Андрей Иванович. Как всегда.

— Как всегда... Ира, Лида спала как всегда?

— Ветчину попробуйте, очень вкусная.

— Она у них слишком соленая.

— Да... Вы же соль не едите.

— Зато Лида любит соль. Без ветчины, без крови и мяса. Только соль. Посыпает сверху на больное место. Да, Лида?

— Да, Андрей Иванович, соль люблю. Даже отрицать не буду.

— А какие на сегодня планы, девочки?

— Лиде сегодня обязательно нужно навестить Хулио.

— Не могу больше ждать. Возьму-ка я еще рогаликов. Ириш, хочешь чего-нибудь?

— Нет. А вы с нами поедете?

— Конечно! Разве может быть иначе? Сок там еще остался?

— Сейчас принесу.

Рогалики, сыр и ветчина — на красной скатерти. Кофе в белых чашках. Черно-белые фотографии танцоров в узких кованых рамках. Отблески бордовых стен в глазах, в лицах... Лида вонзает нож в подтаявшее масло, он входит так легко, и кажется все так просто... Но маленькие голубые глаза, как фрагменты неопределенности мартовского неба, заставляют сомневаться. Он втягивает в себя мякоть сока, причмокивая, облизывая губы, и тогда нож в ее руках становится почти легким.

День был холодным, но солнечным. Темная полоса пепла по-прежнему разрезала горизонт, не омрачая прозрачность воздуха, обнимающего платаны. Они сели в маленькое ржавое такси: Ира и Лида сзади, в сплетении рук и взглядов, и впереди он, фыркая сквозь лобовое стекло. За несколько минут они пересекли авенида де Майа, где под лучами мягкого прохладного света постепенно раскачивалась будничная жизнь.

Служба уже началась. Тихо, в бликах витражей, они опустили на широкие деревянные скамьи. Священник говорил, призывая к Богу жестами и мягким кружевом испанских слов.

— Жалко, мы не понимаем, — прошептала Ира.

— Да, — ответила Лида, просто чтобы ответить коротко, не вступая в неуместный спор о знании и неведении, о дыхании маленького старого человека, бьющем в ее затылок. И вот уже совсем не дыхание, а паутина, сеть: «Ну скажи, что же ты хочешь? Может, получить все?» Вступает орган. Сначала далеко, как первые раскаты грома... В следующий момент гроза уже внутри, и переливы дождя, легкое постукивание капель по крыше, и струи плача по стеклу... Впереди белые буквы, высеченные в камне: EGO VICI MUNDUM. Христос среди нас.

— Андрей Иванович, нам пора идти. Нас ждет Катя.

— А кто она вообще такая? — они уже спускались по широким ступенькам. Ира суетливо крутилась в поисках свободного такси.

— Кто? Лешкина одноклассница. Больше ничего не знаю.

— Нам она зачем?

— Не знаю. Вы мне скажите. Вы по этой части.

— Лида, ну... Вы что, не слышите? Поехали, — они быстро сели, хлопая дверьми, — А как мы ее узнаем?

— Катя сказала легко — она толстая и очень страшная.

— Хорошая характеристика.

— Для меня, видимо, в качестве разнообразия.

— В качестве разнообразия для вас будет Хулио.

— А что там интересного?

— Андрей Иванович, для вас — не знаю... Для меня абсолютно все. Но сначала обед, так что не переживайте.

— А я не переживаю. Мне-то что переживать? Лида, как сама та?

— Что же мне будет? В этом городе? Он меня любит. Он меня охраняет.

— Не сомневаюсь. Только придется возвращаться.

— Лида, слышишь? — из потрескавшегося радио доносились раскаты танго. Таксист в грубой шерстяной шапке вторил ему тихим свистом.

Воздух легкий, пропитанный золотой пылью солнца, сокрытого туманом. Холодно. Зябнут плечи. Ира прячет узкие замерзшие ладони в карманы, черный ремешок фотоаппарата закручен вокруг тонкой фигуры. Ее светлые вдумчивые глаза блуждают по улицам и площадям, чтобы замереть в серо-зеленом озере Лиды и не знать, мертвая вода или живая. Около кафе «Tortoni», как всегда, толпа туристов.

— Ну, где она? — толстые, корявые пальцы плотным кольцом обхватывают локоть Лиды.

— Еще рано. Пока зайдем, сядем.

Продираются сквозь звон подносов, запах кофе, смех итальянцев. Садятся в глубине, напротив восковых Борхеса и Марты.

— О! Вы пьете кофе по воскресеньям? — официант в черном фартуке, с проседью, с лукавым взглядом. Из Питера.

— А ты по-прежнему нас ждешь? — Лида вытягивается, готовая к прыжку.

— Конечно. Заказывать будете?

— Кофе, кофе и черный кофе? Верно, Андрей Иванович?

— Ты уже все мои пристрастия изучила?

— Стараюсь.

— А я не знаю... Может, капучино?.. — растирает Ира озябшие пальцы.

— Пусть будет на мое усмотрение? — широкий поднос скользит в уверенных руках Дениса.

— А тебе можно доверять?

— А тебе Лида?

— Лида... Запомнил?

— Я же официант — это моя работа.

— Ириш, пойду поищу Катю.

— Давай.

Шаг за шагом. Между столиков. Между стран. Между Москвой и Сергиевым Посадом. Одноклассница? Или всего лишь маленькое звено в огромной цепи, к которой... Которой... Кто и когда?.. И жаль нежность, утопленную в грязном болоте стыда.

— Катя?

— Да. Привет.

— А мы уже тебя ждем.

Металл обрывается... Почему? Саднящий звук тормозов. И все еще может быть...

— Это Ира, Андрей Иванович. Наверное Леша тебе о нем рассказывал.

— Леша мне уже лет десять ничего не рассказывал. Так, иногда короткие письма, чтоб кто-нибудь встретила.

— Он сказал, ты скучаешь. Любишь, когда кто-нибудь из России приезжает.

— Н-да? Ну, если сказал...

Чашки быстро занимают место на круглой поверхности стола.

— Будете заказывать?

— Чуть позже.

— Договорились.

Черный фартук растворяется.

— Нагловатый парень.

Лида с Ирой тоскливо переглядываются. Хулио... Хулио... Скорее бы найти к тебе дорогу.

И тянется разговор... О водопадах, о смешном поезде на краю света, кофе вкусный и что еще стоит посмотреть? Да, все очень дешево, ни о чем не жалеем, а в Буэнос-Айресе есть все... Ни все, ни все... Андрей Иванович потирает ладони: нет меня. Катя вежливо улыбается. Ира глубоко вздыхает. А Лида... Из глубины чего-то темного, все еще не теряющего надежду на мгновение света... Смотрит, размешивая густой сахар, постепенно растворяющийся. Пока липкий сироп не обволакивает каждый фрагмент раздробленного зерна.

День кажется совсем теплым. Улицы распахивают дороги, витрины, вспышки обыденной жизни за приоткрытыми окнами. Катя размашистыми жестами указывает на памятники, дома... Дневной свет беспощадно выхватывает, обрамляет все неровности ее фигуры, пятно редких рыжеватых волос. Конечно, гостеприимство. Но так хочется отправиться к Хулио... А ты с нами? Нет, дела. А вы, Андрей Иванович? Как же, как же без меня? Ира покупает хот-дог и отдает его худой собаке с жалостливой черной мордой. Та брезгливо отворачивается. Их здесь балуют. Почему худая? Просто аргентинская. Пахнет листьями, осенью. Идти без остановки, без цели. Вспышки, вспышки... Лида устала перематывать пленку в своем старом «Фэде», и говорить — устала.

— Спасибо, Катя. Завтра приглашаем тебя на обед. Отказы не принимаются.

— Договорились. Сейчас поймаем вам такси, объясню водителю куда ехать.

— А тебя подвезти?

— Нет, пройдусь. Мне недалеко.

Старая потрепанная цветастая обшивка сидений. Затхлость и затылок с глубокой лысиной. Сквозь щели приоткрытых стекол пощечины ветра, не сочетающиеся с золотистой мягкостью воздуха.

— Ира... Наконец-то. Наконец-то я окажусь в его доме.

— Знаю...

— Нет, может объясните, что там особенного?..

Лида отворачивается. Закрывает глаза, укутываясь в черную шаль.

Por una cabeza de un noble potrillo
que justo en la raya afloja al llegar*

Казалось, снова наступило лето. Запах океана разливался по дороге. Белая полоска пляжа расстилалась впереди как обещание сладости, бесполезных часов, наполненных нежностью бездействия. Он шел рядом. Подол ее длинного хлопкового сарафана трепал ветер. Они замедляли шаг до тех пор, пока люди не оказались за оливковой рощей. Он взял ее за руку, сжал и засмеялся.

— Ну, что, колдунья?

— Знаешь... Я почти счастлива.

---

* На одну только голову отстал благородный рысак — он сбавил ход прямо перед финишной ленточкой.

(Карлос Гардель)

— Почти?..

— Чего-то не хватает...

Теплое дуновение, соль, его кожа, разогретая на солнце... В один миг все приблизилось. Все стало солнцем, поцелуем. Внезапным откровением. Она прижалась к нему еще сильнее. Океан... Они сумели. Они добрались. Но... Нельзя отставать.

Сброшены шорты, футболки, платья... Она бежит в воду. Больше не оглядываясь. Волна бросается навстречу, обволакивает, принимает. И только надежда... Что он последует за ней... На цветущем Джеджу.

*З. И Господи, как пахнет осенью, мхом,
увядшими цветами, оброненными
на сырую землю, и еще горечь дыма
от недавно потухшего костра.*

Снег, везде был снег. Он скрыл черноту голых деревьев и замерзшей земли. Вобрал в себя все цвета, мир стал безликим и однотонным. Только макушка монастыря по-прежнему назойливо заглядывала в окно.

Один, как всегда один. Груды металла, разбросанные в плохо отапливаемом доме, да свалывшаяся шерсть старого серого свитера. Скрежет, перекачивание, дребезжание железа, закручивание гаек — долгие часы кропотливой работы, пока неожиданный луч не начал раздвигать шторы пасмурного дня. Небо, очнувшееся после долгого горя, посветлело, наливаясь лазурью,

предвестником весны. Медленной скребущейся походкой, переваливаясь с одной ноги на другую, Андрей подошел к окну. Солнце лукаво смотрело на него... Да, и на него тоже. Оно манило, призывало. И он поддался. Натянул ватник, тяжелые валенки, шапку, так, что только нос выдавался вперед из этой груды тряпья, и распахнул дверь.

Под ногами все скрипело, хрустело, приятно убаюкивая. Свет становился все ярче, ослепляя, заставляя жмуриться. Он замер. Впереди, там, где тропинка круто уходила в гору, застыл хрупкий силуэт. Соседская девчонка. Сколько ей? Семнадцать, не больше. Ее глаза, которых сейчас он не мог видеть, как осколки океана, как сочная зеленая трава... Не для этого колючего платка и неотесанного города, она создана для чего-то... Для иных миров. Бежать и бежать. Если б только не ее ноги, слабеющие день ото дня. Торопливо шаркая, он приблизился к ней.

— Давай-ка я тебя провожу.

Она то ли кивнула, то ли качнула головой, сверкая грустными изумрудными звездами.

— Ну, че нос-то повесила?

— Снег... Слишком много навалило. Господи, когда же весна? Господи...

— Господи, Господи... Не больно он тебе помогает, — он крепче сжал ее локоть. — А пойдем-ка ко мне, чай пить?

— А мама?

— Что мама? Не все тебе дома сидеть. Насиделась уже. Пора, пора...

— Пора?

— Выздоровливать.

— Зачем вы?..

— Затем. Узнаешь. Только не болтай.

— О чем?

— О чуде, дурочка, о чуде... Что ж красоте такой пропадать? Бог позволяет, так я не позволю.

Сквозь мороз, груды жестких ниток пробивался жар. От него — к ней, от нее — к нему. И вот уже шар, сфера... И вот уже калитка, старая и подгнившая. Болты и шурупы разбросаны по неопрятной комнате. А свет ее глаз затягивает все тонким шелком. Он сильный... Он способен — на все.

Андрей Иванович оглянулся.

— Ну, что, Ир, когда приедешь в гости?

— В гости? Куда?

— В Сергиев Посад. Чтоб изменилась твоя жизнь?

— А почему вы думаете, что я хочу, чтобы она стала другой?

— Я же вижу. Забыла?

— Я не забыла, — добавила Лида, не отрывая взгляда от проскальзывающих улиц.

Оживленный центр Буэнос-Айреса постепенно превращался в осень, немного тоскливую и безлюдную. Вокруг выросли огромные здания, как неуместные вопросы. Тогда, тогда, конечно их не было. Город был другим. Только его воздух, наводненный рыбами естественных противоречий, наверное, и прежде...

— Как дела? — шепотом, положив голову Ире на плечо.

— Все-таки расставания... Где грань между началом и концом встречи?

— Где точка отсчета?..

— Когда начинаются страдания?

Тишина. Густая листва кустарника замерла в предвкушении сюжетов. Дом Хулио простой, серый, облагороженный ровной разметкой ставень. Ира и Лида, затаив дыхание, подходят к ограде. Вслед за юркой фигурой подростка проскальзывают в подъезд. За ними мать и сын с огромными пакетами, из которых выглядывают багеты и зелень. Где жил Хулио? Можно ли увидеть? Но нет, нет... Только раз в год. Здесь нельзя — туристам... Еще немного побыть. Темный взгляд около лестницы, сопение, беспокойные ладони... Андрей Иванович вертится в тени и прохладе. В сад... И где же его окна? Кажется, он здесь... Он ждет, заваривает мате. Или кофе с коньяком... А рядом что-то сипло-хрустящее, давящее...

— Зачем мы вообще сюда пришли?

— Андрей Иванович, потому что Кортасар — гений. — Ира не перестает щелкать фотоаппаратом.

— Я вам предлагала остаться в отеле... — то ли жалость, то ли злость...

— Ладно.

Скорее такси. Заглянуть в приоткрытые ставни, втянуть струйку пыли из комнаты... Забыть обо всем. Звук тормозов. Суипача? «Нет, нет...» — водитель качает головой. Грубые пальцы подхватывают камень и бросают в стекло удаляющейся машины. Девушки начинают истерически смеяться. Вокруг угасающее солнце, шепот веток, прозрачная тишина безлюдной улицы... Окна приоткрыты. Конечно, его окна... Но кто-то дергает, шаркает. Кто-то хочет забрать все, к чему она стремилась. Вертится, как юла, как граната с выдернутой чекой. Ира кажется жалеет... Избавиться хочет, но так, чтобы остались целыми

стекла и лбы. Еще одни колеса, из ниоткуда, из предвечернего луча, падающего за горизонт.

— Наконец-то! Наконец-то его нет. Ирочка?..

— Да, да... А Он здесь. Дождлся.

Узкие ладони слегка соприкасаются. Один вдох на двоих. Аккуратная ограда, шершавая стена, подгнивший пень, знавший персонажей. И что-то в груди, тяжесть, сменяющаяся легкостью. И Господи, как пахнет осенью, мхом, увядшими цветами, оброненными на сырую землю, и еще горечь дыма, от недавно потухшего костра. Вокруг дома, на улицу, названную его именем. Каждую кошку, каждую дверь поймать в плен пленки, вдохнуть, втянуть в себя, вобрать покой ненаписанных строк. Шаги медленные. В никуда, в неизвестность, в страшный сон, внезапно прерванный рассветом.

— Ир, мобильный не заработал?

— Не-а... И ладно, какая разница. Все равно никто не позвонит.

— Никто?..

— Нет. По работе всех предупредила. А больше — некому.

— Родители?

— Они даже не знают, что я в Аргентине, — смеется сквозь вздох, прищурив глаза.

— Ничего. — Лида успокаивающе дотрагивается до ее локтя. — Ничего... Зато, мы все-таки попали сюда.

Заканчиваются двери, увитые плющом, и кованые ограды. Широкая дорога, увенчанная высотками, разрастается. Остановка, взъерошенность, и неужели в отель?

— Лид, хочешь, мы еще вернемся сюда?

— Да...

— Еще несколько дней, успеем.

— Да...

Квадратные часы, «Тангеро» с красными што-рами и невыносимо хочется сахара... До липко-сти и тошноты. Чем он будет? И будет ли она со-бой, если сделает это? Обретет легкость или уже никогда, никогда... Но кто тогда приедет на улицу Хулио Кортасара? Та, что вернется, сможет ли вдохнуть тишину кустарника? И стоит ли, стоит ли возвращаться? Рядом глаза, светлые, в розовой паутине недоспанных минут невыплаканных слез. В них и поддержка, и страх, и предупреждение. Что ты задумала? Я помогу тебе... Но что же все-таки? Может, не надо... Нет, сделай. За всех нас, за глаза — твои и мои... Чтобы больше не сметь бояться. На колени. Их всех — на колени. Такси. Ржавое шуршание колес и радио.

— Интересная у нас поездка.

— Да. Как в Непал. Что-то в этом роде...

— Нет, я все-таки не понимаю, какая цель по-ездки?

— Духовное совершенствование, папа.

— А здесь кто тебе мешает совершенство-ваться?

— Как тебе сказать... Все. И все.

Папа слегка сдвинул брови, жадно откусывая очередной кусок эклера, истекающего сливками и шоколадной глазурью.

— Еще кофе?

— Ну...давай!

— Ма, а ты будешь?

— Нет, хватит.

Светлая прядь падала на мамин лоб, пока она методично маленькой ложкой выскабливала остатки йогурта. Я подошла к кофемашине, поставила чашку на поддон, и нажала кнопку, растворяясь в гуле раздалбливаемых зерен. Они сидели за овальным столом совсем рядом, но невидимая воронка высасывала их из моей жизни. Отвечать на вопросы — почему нет? Только они не услышат собственных слов, и тем более, моих ответов. Поглощенные будничной поверхностной паутиной, они видели только эклер и йогурт, только поминальные свечи за ушедших, остальным — подождать.

— Сейчас допью и поедем.

— Мам, уже?

— Котенька, давай посидим еще немного?

— У меня дел по горло.

Мама неловко отвела васильковый взгляд, как обычно, будто ища в пространстве точку опоры. Которой не было слишком долго, и никогда не будет. С детства я пыталась стать этой точкой. Иногда получалось, она цеплялась за меня, ее лицо тепло, разглаживалось... Мы пили чай и говорили о несбыточных путешествиях. Но теперь я уезжала в Катманду. Это была реальность. Непостижимая. Когда кухня и котлеты, и давай уже живее...

— Сколько дней?

— Сама практика будет длиться 12. Сначала прилечу, привыкну пару дней, и на обратном пути еще дня два. Считай.

— Просто бред какой-то.

— Наверное.

Эта зима — бред. С ее нескончаемыми темными дорогами, со снегом, залепившим нос, уши,

глаза. С одной и той же книжной страницей, которую никак не перевернуть. И мамино лицо, из года в год тающее в пустых, но таких утомительных заботах. И моя тоска, и разлука — необъятная и нестерпимая — бред во сне, сон в лихорадке, безнадежность в надежде, кофе в сахаре. И все до рвоты, до глубины детства, до колыхающейся мокрой высокой травы в преддверии осени и школы. И все это, когда Лунтик весело скачет на экране. «Мамочка!» — возглас, тянущиеся ко мне ручки. Да, дедя уже уходит, у него дела, дела... Грязные тарелки с коричневыми разводами невысказанных слов прощания. Вот и все. И уже скрип колес во дворе.

Когда Будда не мог обрести счастье, он придумал Випассану...

Он не придумал родителей, жену, детей...

Не раскрасил прошлое нужными цветами...

Не купил билет на самолет... Хотя не было еще самолетов.

Отсутствие выбора сокращает его или умножает?

Все довести до совершенства. Даже страдание.

Лида стянула сапоги и рухнула поперек кровати. Ира задернула тяжелые шторы, пытаюсь отгородиться от настойчивого вечера, подглядывающего и дразнящего. Еще не успели растянуть, насладиться усталостью горящих ног, как слышался саднящий стук в дверь. Лида сжалась, сминая белое кружево покрывала.

— Ну, вернулись?

— Как видите, Андрей Иванович.

— А Лида?

- Она отдыхает.
- Да, ей полезно.
- Во сколько пойдём на ужин?
- Не знаю. Скоро.
- Ладно, ладно... Я вас жду.

Дверь захлопнулась. Слишком сильно, громко. Сквозняки...

- Кто бы сомневался... Кто бы...
- Лид, ты как?
- Мне нужен Лео.
- Держи.

Лида обняла плюшевую морду, смыкая веки. Если уснуть, придет сон... Так может, лучше не спать? Никогда...

*4. «Мангера» провожает их словами,
застывшими в горле пустых коридоров.
Восковые огни тают на влажных улицах
Буэнос-Айреса.*

Из ветра и снега — она села в его машину. Ее бледность не тронул морозный ветер, и она продолжала подчеркивать узкий овал лица. Дорога впереди была легкой, неопределенной и зовущей. Лида долго металась, не зная, в каком положении замереть, отпугивая боль.

— Ничего, Лидочка. Я уверен, это поможет.

— Хорошо, если... Я тебе доверяю. Хотя все как-то непостижимо...

— Знаешь, мне тоже так казалось. А потом... Но очень хочется, чтобы ты попробовала. У тебя будет иначе...

— Почему?

— Да я как всегда... Не могу мозг отключить. Это только тормозит.

— Тебе нужно расслабиться.

— В том то все и дело... А слышала про осознанные сновидения по системе Радуги? Ну, конечно... От Петра Владимировича.

— Очень приблизительно... Во время физиотерапии.

— Последнее время меня эта штука здорово зацепила. Давай послушаем?

— Сейчас?

— Да. Ехать то нам еще... А я как раз книжку скачал.

Лида улыбнулась. Становилось жарко. Она сняла черно-стриженную шубу. Но Леша по-прежнему оставался в наглухо застегнутом пуховике. «По пробуждении, не двигаясь и не открывая глаза, в течение 3—5 секунд нужно всматриваться в пространство перед глазами (не открывая их) и пытаться увидеть в нем какие-либо образы, картинки, символы...» Монотонный высокий голос сверлил затылок. Веки слипались. В нежное укачивание, в полудрему... Она ускользала. Леша хотел последовать за ней. Но шоссе, в вихре хлопьев, сомнений... Упала, ударилась... Теперь еле может сесть. Где-то... Когда и с кем?.. И он почти уверен, что сможет встретиться с ней — во сне...

— Еще далеко?..

— Спи, спи пока...

Она вздохнула, глубоко. Так глубоко, что он попал в ее вдох, ощутил усталость, надежду, яркую, так, что ослепляет... Свет размывает очертания. У силы нет границ. Только возможности. Они проеха-

ли мимо монастыря, свернули с разбитой дороги, медленно проползая сквозь черные ворота. Леша заглушил мотор и тихо позвал: «Лида... Лидочка... Просыпайся». Ее веки были безмятежно сомкнуты, ладони по-детски сжимали кусочек меха. Он наклонился к ее дыханию, ее ресницам... Дотронуться... Но рука замирает в воздухе. Потревожить... Стать частью... Или уничтожить... Все страшно.

«Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил...»

— Приехали?

— Давно.

— Почему не разбудил меня?

— Я пытался. Ну, как там?

— Где?

— Не знаю... Может, привиделось что-нибудь?

— А... От твоей усыпляющей книжки, — улыбка, мягкая, просыпающаяся. — Давай встретимся там. Когда-нибудь.

— Давай. Если ты найдешь меня. Я вряд ли смогу.

— У меня получится.

— Не сомневаюсь. Пойдем.

Железная дверь. Скрипучая. Затхлость, кошки, потерянные ступеньки... На втором этаже «Телевидение г. Сергиев Посад». Выше — вход. Позвякивание железа, шорох войлока. Маленькая коренастая фигура навстречу.

— Андрей Иванович, день добрый!

— Добрый, Алексей...

Маленькие светлые глаза впиваются в хрупкий женский силуэт.

— А это Лида. Я вам рассказывал. У девушки сложности.

— Сложена хорошо. Красавица. Я ждал тебя... Так что спасибо, Алесей Борисович, ты свою задачу выполнил.

Леша широко улыбнулся, падая в глубокую пропасть перекрестного взгляда. Вопрос, война и предчувствие. Он поступил правильно...

— Всего пять упражнений: жим лежа ногами, руками, из полуприседа, стоя, конечная тяга. Главное не торопись. Все делаем на выдохе, — сообщила Лиде инструктор Вика, сквозь белую прядь на загорелом лице.

— Я рядом, — прошептал Леша, когда Лида уже лежала на войлоке, а ее длинные ноги в валенках стремились вверх, к штанге. Она вдохнула, сжала веки, на висках от напряжения проявились венки. Секунда... Другая... И 200 килограмм над ней, ее усилием, ее волей. Глаза, как осколок космоса, наливающейся его бесконечной энергией.

— Тише, резко не вставай.

Но Лида уже падала, падала...

Он приподнял ее голову, провел рукой по пылающему лбу.

— Ничего, ничего... Сейчас придет в себя. — Произнес низкий мужской голос. Георгий... Сколько он поднимает?..

Потом... Она очнулась. Андрей Иванович взял ее за руку и повел за собой для проведения сеанса. Он смотрел им вслед... Колос, дрожащий на ветру, и валун, несгибаемый... Они удалялись. Окликнуть, вернуть... Внезапный ком в горле. Биение пульса в ее запястье тает в его руках... Холод просачивается сквозь грязные стекла. Он поступил правильно?..

«День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.»

— Ты готова?

Если б знать ответ... Ира собирала волосы на затылке, тревожно оглядывая свое отражение в затемненном зеркале. Какой-то гул, свист за окном сплетался с каплями воды, падающими из незакрученного крана. Бордовые стены наливались румянцем, предстоящим похмельем мыслей. Что-то... Несовершенное скреблось острыми ногтями.

— Сейчас, Ир... — Город, город ей поможет.

— Все-таки Ушуя... Там есть нечто... Вы за этим поднимались на гору?

— Он же говорил тебе — Огненная Земля — место силы.

Безраздельной. Только природа не помогает тому, что против нее... Снег с дождем — не лучшая погода для вертолетной прогулки. Но пилот опытный. А с ним... С ним ничего не может случиться. Они вспорхнули как бабочка, уносимая ураганным ветром. Под ногами начали таять разноцветные аккуратные ряды двухэтажных домов, серая полоса залива. И только мокрые пики гор манили вперед. В наушниках Лида слушала наперебой два голоса. Один рассказывал историю земли, другой зачарованно повторял ее имя... Она хотела вообрать небо, землю. Но все чужое, даже собственные руки, сжимающие фотоаппарат. Где граница? Где заканчивается остров? Где дозволенное переходит черту прощения? Гном или дракон... Позади. Всегда позади. Выслеживает свою добычу, позволяет ей ощутить короткую победу, а потом берет за локоть, сдавливает. Вертолет вздрагивает под влажными пощечинами. И если бы разбиться... Это было бы правильно. Это было бы доказатель-

ством Бога. И жить... Пусть не ей. Но жить. Рывком они садятся на острие вершины. Слишком холодно, ветрено — невозможно стоять. А он почти на краю... Смотрит в бездну. Она готова... Меховые варежки падают в снег. Стискивает ее красные ладони и шепчет, шепчет... Не поддаваться. Как?.. Когда и линия залива, прохожие, машины, скалы, морские котики и обрывки горнолыжной трассы — все внутри. Взять, что угодно, для чего угодно. И больше не холодно рукам, не слышен зов пилота: «Чтой-то вы там, на краю?» Маленькие голубые глаза старика распускаются, расцветают под козырьком кожаной кепки. В них — вся любовь...

— Идем...

«Тангеро» провожает их словами, застрявшими в горле пустых коридоров. Восковые огни тают на влажных улицах Буэнос-Айреса. Здания вобрали в себя итальянские фасады, французские окна, чилийские вина и безраздельную грусть, потому что уже никогда и ни с кем... Холодный ветер поднимается над Ла-Платой. Но за огромными стеклами сияющего «Марселло» хрустящее тепло итальянской кухни и звонких голосов людей. Овощное ризотто соленое и сочное, только нож, его нож вонзается в красную плоть мяса. И снова Катя, разговор о гравитации и курортах. Накрахмаленный вечер, кругом глаза — препятствие. Придется ждать, еще. Вырваться. Вырвать зубами несколько тактов танго.

Su boca que besa
Borra la tristeza*

---

* Ее губы, целуя
уносят грусть.

Ветер поднимает пыль, поднимает боль. Листва сочится печалью. Картинки дома: муж и сын, недоступное тепло, возможно безвозвратно потерянное, если... Милонга. И даже здесь он... Сидит за столиком, постукивая когтями. Ира вздыхает, холодно, сонно. Объяснения невозможны, вопросы бесполезны, и не уговорить... Только танго. Как короткая передышка, как глоток воздуха... Лида бросается в него. Не запоминая лиц, в кольце близкого объятия, хиро и болео — невидимый круг, черта хотя бы на несколько минут. Они провожают ее, улыбаются компании: «Ваша внучка отлично танцует.» Ира переводит и смеется, отворачиваясь от темнеющих глаз.

— Лидия, не устала еще танцевать?

— Нет, Андрей Иванович. — И сразу боль в груди, усиливающаяся под его заботливой улыбкой. — Ладно, пойдем.

Бордовый шторы смыкаются, как запекшаяся кровь.

— Как думаешь, он уже спит?

— Наверное. А ты хочешь, Ир?

— Не знаю. Устала. Но хочу ли спать...

— Тебе одиноко?

— Тут Лео... И ты... Нет. В Москве бывает. Особенно, когда только развелась. Я просто кричала от одиночества. Серьезно. Ходила по квартире и орала.

— А по родителям не скучаешь?

— Я с детства была сама по себе. Убила в себе привязанность к ним. Особенно к отцу.

— Почему?

— Он ненавидел меня. Даже сжег мою собаку.

— В смысле? Как это?

— Вот так... Я никогда никому не рассказывала... — красные пятна волнения на коже, — это он так меня воспитывал. Пришел домой, а я вовремя не успела погулять с собакой. Тогда он вывел ее во двор, облил бензином и сжег заживо на моих глазах.

— А ты?..

— Я упала в обморок. Теперь у него есть собака и он ни на минуту не может с ней расстаться...

— Ну, тише, тише...

Объятие. Бережное, трепетное. А на улице лай... Или звуки прошлого... Или предчувствие. Ветер, ветер... Зима в Буэнос-Айресе. Сквозняки.

— А ризотто было какое-то невероятно вкусное?

— Точно. Это шафран, или овощи... Нужно туда вернуться.

— Обязательно. Все дело в соусе.

— Завтра.

Завтра. Завтра не остановит ничто...

— Как тебе местные милонги? Аргентинцы танцуют лучше чем твой Сережа?

— Что считать лучшим?. Sergio — mi querido maestro... Ладно. Спокойной ночи.

— Тебя устраивает твой учитель испанского?

— Да, вполне.

— Можешь познакомить с ним?

— Конечно.

Он был высокий, смуглый, с длинными черными волосами, забранными в тугой хвост. Мы встретились на Дворцовой площади в Катманду. Ржавый закат пятнами ложился на кирпичные стены. На земле повсюду валялись куски сырого мяса, прилипающие к моим босым ногам.

— Запомни: ¿dónde? — где, ¿a dónde? — куда, ¿de dónde? — откуда.

Я кивнула, нагибаясь, пряча голову от голубей, внезапно падающих с неба. Частицы песка, поднимаемые ветром, превращались в густой туман. Он взял меня за руку.

— Торопись. Мы можем опоздать.

— Куда?

— ¿A dónde? На Кайлаш. Помнишь озеро? Живая и мертвая вода.

— Помню.

Поезд двигался медленно, вздрагивая, всхлипывая. За грязными стеклами виднелись острые вершины Гималаев и Эвереста, покрытые пеленой снега. Постепенно горы начали оседать, растворяться... Снег превратился в песок. Небо без единого облака замерло над Сахарой. Поезд остановился. Мы шли по пустыне, не испытывая жажды, жара... Пока не уперлись в белый каменный дом. Голые стены, голый пол, пустые комнаты... Вдали тихий, едва уловимый стон...

На кровати лежала женщина, завернутая в мятую простыню. Спутавшиеся темные волосы не имели конца — на подушке, на полу — они были везде. Из ее черных глаз падали белые слезы, похожие на мазки известки. В бледности кожи, в резких движениях тела — во всем была боль. Мы сели с двух сторон от изголовья. Я смотрела на нее, не отрывая взгляд ни на секунду, пока ее боль, будто река, вышедшая из берегов, не начала заполнять мои легкие. Мое дыхание прервалось, я сомкнула веки, выкидывая из себя ее судороги. Когда открыла глаза, женщина была мертва. А я больше не была женщиной, теперь я находилась в теле моего учителя.

— Запомни: ¿a dónde? — куда, ¿de dónde? — откуда. И еще:» Mejor vale tarde que nunca». Это еще что такое? — спросила я себя, приближаясь к двери. — «Лучше поздно, чем никогда».

Буэнос-Айрес был окутан сумерками. Суипача погрузалась в ленивую дрему. Магазины закрылись. За мутными стеклами витрин застыли китайские манекены в ярких футболках. Ветер неприятно щекотал спину, заставляя ускорить шаг. Вскоре показалась вывеска «Café Ideal». Пары лениво скользили по паркету. Ты стоял, прислонившись к стене. Ворот белой рубашки был небрежно расстегнут, а твои светлые глаза наполнены красными прожилками от бессонных ночей, от «Нортона», густого, как только что свернувшаяся кровь. Я подошла к тебе. Я была мужчиной. Но ты узнал во мне меня, и смотрел с трепетом и грустью.

— Видишь, Сережа, я же предлагала тебе стать друзьями. А теперь, ничего другого не остается.

— Да все одно и то же...

Ты сжал мою ладонь, увлекая за собой. Я была выше, крепче. Но ты вел меня осторожно, как школьницу. Пары исчезли. Вокруг лишь потертые стулья, лишь звуки танго...

— Все одно и то же... — прошептал ты, сжимая высокую крепкую фигуру в близком объятии. Внезапно ты заплакал. Горько. Навзрыд. Мокрым лицом ты прижался к моей груди — мужской волосатой груди. Ты плакал и плакал... Слезы горячие, пронизывающие, обжигали. Они проникли сквозь кожу, под ребра, добрались до сердца. Оно начало разбухать... Хлопок.

Магнолии раскинули широкие ветви над Палермо.

Холодная вода Ла-Платы, скованная небоскре-
бами Порто-Мадеро, тихо покачивалась.

Запах жареного кофе вылетал из приоткрытой
двери маленькой кофейни.

Порыв ветра забросил пожухлые листья плата-
на на ступеньки ратуши.

Где-то, вдали, нарастали звуки танго.

Я была всем...

Ты продолжал плакать, а я была твоими слезами.

Ternura*...

---

* Нежность (исп.).

5. Очень страшно... Оказывается... Когда кто-то так близко. Не ненавидеть его. И даже, если злость подступает к горлу, как рвота, делать простые шаги...

Было немного ветрено, немного влажно. Ветер, неустойчивый, порывистый, приносил частичка весны в самый разгар января. Чистые пруды прятались под серой шалью снега. Скрип шин, приближающийся вечер — во всем ощущение не реальности, тайны. Она всегда хотела танцевать танго. Многие точно так же всю жизнь не прочь полететь в космос. Но сейчас... Сейчас слова «иду на урок» приобрели особый оттенок чили перца. Движения, скованные болью. Долгие мутные часы бессонницы. А теперь она поднимает

500 кг и собирается взять от этой жизни все, что она может предложить, все, что захочется.

Короткий писк домофона. Потертые ступеньки, ведущие в плотный воздух сильно отапливаемого помещения. Сквозь облако затхлости нота чего-то свежего, пьянящего, мужского.

— Здравствуйте, я Сергей. Мы с вами говорили по телефону. Здесь можно переодеться, а потом — в зал. — Осторожными жестами он указал на первую, потом вторую дверь. Лысый, плотный с ярко-голубыми глазами. Что ж...

Лида застегнула черный ремешок на щиколотке и вытянулась перед зеркалом. Да, да... Это она. «И нечего так на меня смотреть...» — шепнула своему отражению, сдерживая собственный голос.

— Когда человек первый раз приходит, я всегда спрашиваю, какова цель? Для чего вам танго?

— Для себя. Почему бы нет? — бросила она короткий вызов.

— Ну, ладно...

Она бы добавила: «Можешь считать меня дурочкой, которая мается от безделья, не зная, чем себя занять... Мне же, мне же нужны доказательства. Не только вес на штанге. Полет. Движение. Впрочем, что тебе?»

За окном начался снег. Звуки танго поползли по паутине паркета. Простые шаги. Объятия бывают — закрытыми, открытыми. Очень страшно... Оказывается... Когда кто-то так близко. Не ненавидеть его. И даже, если злость подступает к горлу, как рвота, делать простые шаги. Постепенно проваливаясь в тепло, в незнакомое тело, чтобы забыть обо всем на три с половиной минуты. Мягко

поправляет локоть, осанку, объясняет. Лида улыбается.

— Что?

— Ничего. — Наверное, сдерживаешь свой нрав. Наплевать. Пусть будет танго. И темнота, скребущая по стеклу. И плотная петля жара, набрасывающаяся от батареи. Где-то Джеджу... Весь усыпанный цветами и слезами волн на теплом песке. Она больше не будет об этом — вспоминать. Все подчиниться ей — ее ноги, ее сны. И ты маэстро. Если будет желание...

— А какие фильмы, связанные с танцами, любишь смотреть? Можно на «ты», да?

— Да я много смотрю кино...

— А... Что-то вроде «Шаг вперед»?

Смех. Она останавливается. Его ладонь слишком горячая. Идиот. Какой же идиот...

— Сейчас. Извини. Ты очень смешной.

Его светлая кожа заливается краской. Думай, что хочешь... Научусь, обязательно...

Машина вся облеплена ветреными сырыми поцелуями снега. Она трогается. Лида почти не различает дороги, как всегда двигаясь в пространстве на ощупь. Единственный способ, доступный ей. Еще несколько минут, поворотов. Чтобы слякоть скомканных двусмысленных слов осталась за порогом ее дома. Дома ее мечты. Где самые дорогие... Витольд и Киану. Что-то сжимается... И началось не сейчас. Но только не думать, не пытаться раскрутить клубок. Больше нет боли. Скоро закончатся кошмары. В фазу попасть уже ничего не стоит... И конечно, она не собирается вечно ездить в Сергиев Посад. Этот

Черт приманивает ее. Да мало ли вас было? Обойдется. Еще немного легкости, времени... Ребенок больше не болеет. И все так — опьяняюще. Ключ в замке.

— Привет, малыши!

— Мамочка! — возглас, согревающий все внутри. Мягкие ручки, обвивающие шею. Потом поцелуй Витольда — теплый, нежный, как всегда уносящий в далекий мир надежды и в бездну вины одновременно. Его красота вспыхивает перед ней. Вселенная черных глаз на смуглом лице. Закрывая дверь, так хочется захлопнуть еще сотни в коридоре воспоминаний. Чтобы все, прошедшее, закончилось раз и навсегда.

— Ну, как танго? Уже готова выступить?

— Издевайся, издевайся...

— Не тяжело спине?

— Нет, сама не ожидала.

— Видимо, я был не прав насчет Сергиева Посада. Но здорово, что так помогает.

— Да...

— Лидия, Лида... Ты представляешь, насколько красива? Но что ж ты как китайский фейерверк расплываешься во все стороны? Ты как солнце — все хотят погреться. Идешь по улице, все смотрят на тебя. А ты, глупая, улыбаешься. С одним поговорила, на другого обернулась. А дошла — уже мертвая.

— Неужели все так плохо, Андрей Иванович?

— Плохо... Ужас. Но будешь меня слушать — все изменится. Женщине главное найти правильного мужчину и быть рядом, заряжаться от него.

Ясно, глаза зеленые? Все-таки ты так похожа на мою жену.

— Вы вроде всем говорите, что никогда не были женаты?

— Говорю... Ее звали Лена. Красивая была девка. Как ты... Все замирали. Мы с ней смешно смотрелись. Она высокая, и я рядом по плечо, этакий гном. Но весело нам было... Очень весело. Пока не спуталась с другом моим, однокашником...

— А где она теперь?..

Ира и Лида переглянулись, лукаво улыбаясь. Рядом не прекращалось навязчивое пыхтение — Андрей Иванович, переваливаясь с ноги на ногу, старался не отставать от девушек. Выглянуло солнце, сгладив черты города, расправляя лица зданий. Лида наконец избавилась от надоевших ей сапог, и теперь ее обнаженные острые коленки сверкали под игривыми лучами. Это было не совсем по погоде, местные по-прежнему ходили в пальто, а кому посчастливилось — щеголяли в шубах. Но ей... Ей все равно. Хотелось выпустить кожу на свободу.

— Куда спешите, девицы?

— Мы? Да никуда... — Ира ободряюще сжала руку Лиды. — Потерпи. Вечером избавимся от него и будем веселиться.

— Да, да...

Лида запустила руку в сумку, и почти сразу ее пальцы наткнулись на маленький вытянутый пузырьрек. Надпись на нем была известна им обоим: «Донормил». Снотворное, достаточно безобидное. Шутка, да и только... Если...

Хлоралгидрат + фенobarбитал. В аптеке вряд ли...

«Леша, сможешь? Очень нужно! — А у меня есть выбор?» Хорошо иметь знакомого врача. Жаль, что он не проверяет все свои рецепты... За все придется платить, Алексей Борисович. Только потерпи.

«Марселло» такой же радушный, теплый. Повсюду хрустящий запах фокаччи и свежесть базилика, звон бокалов, а за огромными окнами немые небоскребы, заглядывающие в зеркало залива. На безупречно белой скатерти вздрагивает смуглая рука Лиды.

— Думаю, пора попробовать нам местное вино.

— Ты же не пьешь, Лидия.

— Андрей Иванович, это в Москве. Буэнос-Айрес — город чудес...

— Конечно. Возьмем бутылку красного?

Ира бросила многозначительный взгляд на подругу. В ответ Лида стиснула под столом хрупкое колено. «Успокойся. Успокойся. Не выдавай нас. И чем все это обернется... Будешь ли ты так игриво улыбаться после?» Влага струится по вискам.

— *Vino tinto, por favor.*

Кажется, ветер за окном... С детства она мечтала попасть в Аргентину. Люди... Дребезжание приборов, шуршание и хруст на тарелках. Она знает все об этих спагетти, умело закрученных на вилках. Но знание никогда, никогда не избавляет нас от боли... И вот уже темное стекло, как жертвенный алтарь возвышается посреди стола. Бокалы наполнены кровью, страхом, нетерпением.

— А где здесь комната для мальчиков?

— Там. Прямо и по лестнице наверх.

— Мне тоже нужно. Я вас провожу.

Ира встает, оглядываясь, задерживается на мгновение. Шутка. Но все-таки... Пузырек готов расплавиться в пылающих пальцах. Одно движение — и порошок уже падает, оседает, растворяется... Поднимает голову, натываясь на вопрос, застывший на лице официанта. Отложить, перестраховаться... Но нет, слишком долг был путь. Смотрите все. Вкушайте.

Возвращаются. Лида приподнимается, пропускающая Иру на ее место у стены.

— Ну, что... За нашу поездку! — Ира сжимает тонкую ножку бокала.

Пей, пей... Что же ты медлишь?.. Я пропала, Господи... Глаза — в глаза. Он обращен к ней. Отче наш... Но уже коснулась его рта ненависть. И отступать — некуда. «И сказал мне царь и царица, которая подле него: сколько времени продлится путь твой, и когда возвратишься?»

Она могла бы заплакать. Засмеяться. Закричать. Сомкнуть веки. Но просто бросила полотняную салфетку на колени, крепче сжимая нож и вилку. Голод — хотелось утолить. Ризотто с овощами было еще вкуснее, чем в прошлый раз. Один короткий глоток вина уже кружился в затылке приятной слабостью.

— Андрей Иванович, а вы верите в судьбу?

— О... Ира, я не могу себе позволить такую роскошь.

— Но разве это не судьба, что мы здесь... втроем?

— Разве нет? — Лида улыбнулась ему. Как-то по-другому... Позволяя чему-то животному, жаркому проскользнуть сквозь приоткрытые губы. Он вздрогнул и судорожно потянулся к стакану воды.

— Лидия... Все играешь. Ты в судьбу не веришь. Только в себя. В свои безграничные возможности. Потому и пришла ко мне.

— Может быть...

— Но кое-чего не хватает. Ты стоишь у порога дома. И он — твой. Одна проблема — ключ у меня.

— Пора мне развернуться и бежать прочь. Домов еще очень много...

— Куда? И сколько жизней ты еще будешь бегать?

— Ой... Лид... Кажется я совсем пьяная. — Пытаясь сдержать безудержный хохот, Ира уткнулась в плечо Лиды. Одновременно, все подняли бокалы, чтобы вобрать в себя последние капли этого вечера.

— Прогуляемся. — Собственный голос показался Лиде чужим, более тихим, скрипучим, приглушенным. Наверное, началась уже эта череда превращений. Она примет как неизбежное. Вместо криков и возгласов, вместо больницы, в которую еще можно... Будет идти с ним рядом, заглядывая в черную воду Ла-Платы. Пусть насладится в последний раз ее присутствием. Разве можно позволить грустить ему? Позволить исторгнуть из себя с таким трудом найденное и смешенное, мгновенно растворяющееся в спирте?.. Вся его фигура в грубой куртке трясется от желания. Но сейчас это уже не злит, не дразнит липкую ярость, засевшую у нее внутри словно заноза, покрытая гноем.

В отеле — полусвет, полумрак, полусон — полу-смерть.

— Лида, я что-то там с телевизором запутался. Не пойму, пульт что ли не работает. Зайдешь, посмотришь?

Тревога в зрачках Иры. Она... Вязнет в холодной бетонной безысходности.

— Хорошо.

Пропускает его вперед, оставляя дверь открытой. Господи, когда уже подействует... Никаких разбросанных вещей. Номер аккуратный, выхолощенный и мертвый.

— Все в порядке. Он работает. — Голоса и шумы с неоновом экране как окно в другой мир...

— Ты должна остаться.

— Нет.

— Лидия, ты должна остаться. Последняя возможность... Услышь меня. — В прищуренных глазках настойчивость и паника.

— Сладких снов.

Прыжок в коридор. Вдруг победит она, проклятая жалость? И вечный вопрос: все-таки тварь дрожащая или право имеющая? Очищение. Содрать комья грязи вместе с прошлым, вместе с кожей. Хотел крови моей... Но кровь не пей, в ней душа.

— Наконец-то! Ну, что он?

— Будет спать. Крепко.

— Я уже хотела за тобой идти.

— Пронесло. Собирайся. Нас ждет милонга.

— Только я пьяная до сих пор.

— И прекрасно. Может, тоже начнешь танцевать?

Mil veces la vida
¿Para qué vivir?...*

---

* Умереть уже не страшно;
для чего жить?..

Листья, салфетки, обрывки страсти, разбросанные на тротуаре. «El beso», затерянный в лабиринте улиц Палермо, вкрадчиво ждал новые души — пылающие, уставшие, раздираемые яростью. Танго — бальзам, обезболивающее. Три с половиной минуты, когда можно все перечеркнуть. Они сели за столик. Заказали холодную минералку. Тесно и душно. Мелькают обнаженные влажные спины, глубокие декольте, аккуратные пальцы в ярких босоножках. И руки, мужские руки, ищущие. Выбор. Нет, она не готова пойти за любым устремленным на нее взором. Ей нужно полное погружение в медитацию, в тело, трепещущее.

Его волосы, забранные в тугую косу. Затем смуглый профиль. Медленные крадущиеся движения вдоль барной стойки, то ли от робости, то ли от наглости.

— Обернись...

— Ты это про косичку?

— Да. Это мой сегодняшний десерт.

Косой луч его взгляда начал забираться под платье. Но внезапно он отвернулся и вышел. Лида разочарованно пожала плечами. Ей захотелось заплакать. Что-то неутоленное сверлило низ живота.

— Ты чего? — Ира засмеялась. — Он тебе так понравился?

— Нет, просто... — закончить фразу она не успела, он стоял рядом, уже без вязаного свитера, приглашая ее на танец.

Его шелковая тяжелая коса, пахнущая жасмином, приятно задевала руку. Он вел ее по линии танца, не оставляя сомнений ни в одном движении. Объятие все более близкое, плотное, затя-

гивающее в воронку возбуждения. Он шепчет... Что-то... О ее красоте, об этом вечере, о танго... О том, что она воплощение танго... Одна танда, другая... И пусть длится вечно эта ночь. Когда магнолии плачут и стонут. Но точка, последняя точка еще не поставлена.

— Слушай, мне скучно.

— Конечно, сидеть одной. Ты же не хочешь ничего менять.

— А как? Танцевать я не умею...

— Ир, это все отговорки.

— Пойдем в отель. Или собираешься остаться с ним? Как его зовут?

— Хавьер. Ладно. Пошли.

Ира победоносно встала со стула. Сейчас даже она, подруга, стала частью ярости. В отель... Красные шторы и закрытые двери... А он продолжает смотреть и ждать. Уткнуться, провалиться, распустить его волосы, спрятаться от мира под этим мягким покрывалом. Прийти в его дом. И может, остаться там навсегда? Пить мате, путаться в безвременье и дешевых простынях...

Но нет... Только клочок бумаги с его телефоном, зажатый в ладони. А рядом Ира, побледневшая от одиночества. Рассвет, неминуемый, неизбежный, подкрадывается к Буэнос-Айресу.

В отеле тишина, звенящая, ранящая. И страшно даже смотреть на дверь, за которой он... Так, что хочется взломать прямо сейчас, чтобы убедиться... Шорохи, обрывки голосов, осколки воспоминаний, вонзающиеся в старые раны... Смерть — за каждым углом, петлей сжимает комнату, закручивает вокруг ее горла, заполняя легкие страхом. Он заслужил, заслужил... Или?..

И снова капает вода где-то в ванной... Не нашедшие выхода слезы превращаются в дождь, в танго капель на оконном стекле. Провал... Настойчивый стук. Ира быстро натягивает халат и бежит открывать.

— Андрей Иванович, вы уже встали?

— Да. И вам пора. Я проголодался. Пойдем завтракать?

— Дайте нам 15 минут.

Она прыгнула на кровать, забираясь с головой под одеяло.

— Быстро же он проснулся после нашего Донормила!

— Это точно...

*6. Он курит — много, глубоко затягиваясь
больно и безисходно. И пока он торопливо,
неровным погерком что-то записывает
в тетрадь, она кладет ему голову на плечо.*

— Лидия, вам необходимы постоянные курсы физиотерапии.

— Хорошо. А что именно?

— Там целый комплекс. Я вас отведу к отличному специалисту. Есть у нас такой Петр Владимирович, врач прекрасный да и человек не простой. Может, чему-нибудь научит.

— В смысле?

— Да он разными практиками занимается. В том числе осознанными сновидениями. Вам будет интересно.

— А вам, Алексей Борисович?

— И мне тоже. Только мой мозг слишком рационален.

Его шершавая улыбка повисла в воздухе. Мелькнуло что-то впереди. Дорога, в облаке сомнений и вздохов. Холод по коже... Но он хороший, нужно доверять.

От температуры стучало в висках. Гул аэропорта разрывал голову. Буэнос-Айрес не хотел отпускать, вздрагивал, нашептывал, предостерегал. Чемодан слишком... Перевес в 10 кг. Ира перекладывает вещи в свой, электронные голоса объявляют рейсы... Или это крики?.. О спасении...

— Ну, Лида... Готова к возвращению?

— Конечно.

Смотрит прямо, не моргая, слезящимися воспаленными глазами. Он тянет к ней руки, но она резко отстраняется.

— Хватит уже... Дай я тебя придержу, ты же рухнешь сейчас!

— Заботитесь?

— Да... Я же только заботиться о тебе хочу. Даже сейчас, зная, что ты можешь.

— Ты еще не знаешь, что я могу. Все. Basta.

— «Basta» говоришь... Даю тебе один год. Ты потеряешь все. Родители и муж отвернутся от тебя. Боль станет твоим существованием. Тебе даже нечем будет платить за лечение... И еще... — Одной рукой он резко дернул ее за талию, другую прижал к низу живота. — Ты потеряешь его. Скоро, скоро он появится. Но попрощайся уже сейчас.

Холодная и липкая темнота залепила зрачки. Острая боль, как застрявший нож, не давала вздохнуть.

— Мы в самолет пойдем или здесь останемся? Вы как, Андрей Иванович?

— Я бы остался. И Лидии здесь нравится.

— Ира... — схватиться за хрупкий локоть, за единственную опору, на мгновение. Пока расплавится жжение и страх. — Ира, мне срочно нужен кофе.

Последние горьковатые глотки, а за огромным стеклом серое небо. Пепел чилийского вулкана все еще струится, набрасывая траурную вуаль на город, на ее плечи.

— Видишь, ничего он тебе не сделает! Просто забудь и все. Обычный старик. Тоже мне, дьявол во плоти! Чушь. Не верю.

Лида сжала горячую чашку, ее взгляд скользил мимо Иры, вдоль самолетов... Тоска, огромная, неотвратимая тоска по мужу и сыну жгутом стягивала сердце. 21 час в пути... Но нет, их разделяло намного больше. Бездна ее страха отсекала все, что ей дорого. И только сверлящая тревога кружилась над ней, как стервятник.

«Перемещение с закрытыми глазами.

Одна из самых легких техник. Практику необходимо просто закрыть глаза, сконцентрировавшись на очень яркой мысли о том, что он их откроет уже в необходимом ему пространстве. В момент закрытия глаз полезно представить себя уже находящимся в нужном месте, что значительно увеличит эффективность техники. Перемещение должно произойти здесь и сейчас, причем обязательно без полета, как при телепортации с закрытыми глазами.»

— Да, в вашем случае эти процедуры просто необходимы. Только пропускать нельзя, иначе все бесполезно. Не переживайте, это не больно.

— Я не боюсь боли.

В его прозрачных голубых глазах промелькнуло что-то вроде вызова. «Показалось», — мысленно шепнула себе Лида. Лицо Петра Владимировича было открытым, налитым румяным соком жизнелюбия.

— И карточку не забывают, чтобы медсестра всегда знала что делать.

— У вас в больнице такая слаженная команда. Все относятся к работе с огромным энтузиазмом!

— А как иначе? Без результата нет смысла. — Его крепкие пальцы пробежали по столу как по клавишам, замерев на глянцевой поверхности путевода.

— Собираетесь в Южную Корею?

— В каком-то смысле... Думаю, мы об этом еще поговорим. — Растягиваясь в улыбке, мясистые губы обнажили ряд ровных белоснежных зубов. Сквозь жалюзи проникало солнце, неравномерно распределяя свет по кабинету. Тени, тени... От которых кажется будто вечер, хотя стрелка еще не дотянулась до двенадцати. Он проводил ее до двери, мягко подталкивая в сумрак коридора. Прикосновение его горячих пальцев еще обжигало талию, когда впереди она увидела крепкую фигуру Леши. Что-то тяжелое, свирепое скользнуло в нем. Игры освещения... Она поспешила навстречу. Как всегда, по привычке, стремясь в эпицентр страха...

Броситься к нему, обнять и заплакать. Сказать о том, что случилась беда, непоправимая. Что он

и сын — единственный смысл, единственное счастье. И только она — не она, застрявшая между мирами. Вернуться... Если бы вернуться.

Глаза, нежные звезды... Разве возможно поведать им об огромной беде?..

Они прошли паспортный контроль и теперь направлялись к Витольду и Георгию, черному ангелу, не различавшему больше свет и тьму. Реплики... Рукопожатия...

— Ну, Лидия... До встречи, — выносит он приговор.

— Может вас подвезти? — спрашивает Георгий.

— Спасибо, мы на машине.

— А мне в вашу сторону. Так что... — кивает Ира. Теплое плечо Витольда.

Прощание... Прощение...

«Ты утвердишься правдою, будешь далека от угнетения, ибо тебе бояться нечего, и от ужаса, ибо он не приблизится к тебе.»

И что же теперь?.. Осень подступала. Тепло августа, как сбежавшее молоко, забрызгало утомленные улицы. Еще зеленая трава, яркое солнце... Но в каждой минуте сплетение тоски. Друг Хулио по-прежнему на столе. Только ему можно все рассказать, забрасывая пожелтевшие страницы немymi слезами.

Часто... Она входит в маленький бар в Париже. Садится за стойку рядом с ним и заказывает дешевый коньяк. Он курит — много, глубоко затягиваясь болью и безысходностью. И пока он торопливо, неровным почерком что-то записывает в тетрадь, она кладет ему голову на плечо. Тихо шепчет... Окна больше напоминают витражи, за кото-

рыми дождь, дождь... За которыми Буэнос-Айрес. Квартира, где он жил. Надежды, застрявшие между платанами и так и не сумевшие взлететь. Хулио, дорогой, что же делать?.. Успокой меня, «...явления, которые секунду назад мне казались дикими, наполняются глубоким смыслом, удивительно упрощаются и в то же время усложняются».

Маленький Киану. «Ветер, дующий с океана» — имя над которым все смеялись. Она все чаще обнимает его, гладит взъерошенные волосы, пахнущие летом. Мой единственный, мое сокровище... А боль внизу живота нарастает, накапливается, уплотняется...

Подушку под живот, на обнаженной пояснице маленькие присоски, и стоны электрических мурашек от них. Уткнувшись подбородком в ладони, она постепенно проваливается в дрему. Размываются очертания и границы...

— Разбудил? Просто хотел узнать, как идут дела?

— Лучше.

— Это хорошо.

— Спящая, вы совсем как ребенок.

— Да, почему?..

— Что-то очень сладкое... в вас... когда засыпаете... Вы слышали про остров Джеджу?

— Нет... Петр Владимирович, а вы?

— Он находится на юго-западе Корейского полуострова. Знаменит своими ветрами и камнями. В центре Джеджу расположена гора Халласан, огромный потухший вулкан с кратером на вершине. Весь остров покрыт зеленью. Сосновые рощи,

заросли можжевельника, мандариновые сады, дикие лианы, плантации пальм и зеленого чая... Там есть все. Даже музей медвежонка Тедди.

Пурпурные цветы мискантуса раскрывают свои крупные лепестки, влажные от росы приближающегося вечера. В черном пруду шепот лотосов. И тихий свист, шуршание и мольба ветра, поднимающего песок на одинокой линии пляжа. Холодные волны океана подкрадываются к суше, убаюкивая день. Он идет к ней. В белых льняных брюках, с сияющим лицом. Его глаза ласковые, зовущие... Ноги вязнут в бежевом бархате, оставляя аккуратные следы. Петя... Петя... Успеть рассказать ему. Но вдруг останавливается, замирает. Пока он стремится к ней, другой лежит, запрокинув голову, улыбаясь далекому небу. Тоже он, только моложе лет на 10. Другой Петя, проникший на остров. Смятение... Разливается среди застывшей лавы.

Ира как обычно молниеносно передвигалась по квартире, вооружившись шваброй и тряпкой. Русые пряди выбились из хвоста, собранного на затылке, и с каждым движением норовили попасть ей в глаза. Она встряхивала головой, продолжая убираться.

— Может, отдохнешь? Я сварю кофе.

— Ну, давай.

Они сели напротив друг друга. Сахар и сливки. Хочешь шоколад? А за окном стук молотка по бетону. Все громче и назойливее. Шторы едва вздрагивают от утомленного летом слабого ветра. Неловкое молчание. Да, уже не в Аргентине. Что-то ушло безвозвратно. Ира отрешенная,

бледнеющая от ярости, обиды, пыли, которую нужно — стереть.

— Слушай, а правда насчет того спортсмена?

— Ты о чем?

— Андрей Иванович сказал, что зря ты мальчишка с толку сбила перед соревнованиями.

— Что еще за бред?

— Да это не мое дело.

— А когда ты с ним вообще успела кости мне перемыть?

— В Игуасу тебя ждали...

— Вроде говорила, устала и спать пошла?

— До этого...

— До или после того, как вы деньги пересчитывали? Кстати, извини, что помешала.

— Я же тебе все объяснила!

— Конечно... И с Георгием поехала, не с нами.

— Просто по пути.

— А в Сергиев Посад скоро собираешься?

— Да пошла ты!

— Это ты иди, забери свои вещи и выметайся.

— Да, теперь только работа.

— Какая работа? Думаешь, я буду держать в доме двуличную девку? Ошибаешься! Чао. Задевая углы и стены, Ира наспех переоделась и, стиснув зубы, бросилась к двери. Хлопок. И одна, совсем одна... Лида легла на кровать, уткнувшись мокрым лицом в подушку. Он забирает все. Затуманивает сознание. Не твоя вина, Ира. Не твоя. Просто еще одна партия проиграна. Время — пошло.

— Не хочется тебя хвалить, но... Совсем другое дело. В движениях появилась плавность.

— Правда?

— Да. Аргентина тебя как-то успокоила. Пожалуй, туда все-таки стоит съездить. Из Буэнос-Айреса люди возвращаются другие... В плане танго.

— И не только...

Они отрабатывали болео. Маэстро придерживал, пока ее нога рисовала круг в воздухе. Все те же листья за окном на широких старых ветвях. Он что-то говорил еще — ее учитель. Она не слышала, просто улыбаясь в ответ. И, наверное, ее улыбка была не всегда уместна, что провоцировало новое сокращение мышц лица. Пытаться довести движение до совершенства. Без всякого смысла. Ради мгновения танго, безудержной печали, осыпающейся пылью над потертым паркетом. А в зеркалах искаженные фигуры, жизни, воспоминания. Почему вдруг шепот? Он говорит ей что-то важное? Она не слышит, не слушает, продолжая улыбаться, пока глаза становятся все более и более влажными.

Y que al regresar parece decir:
No olvides, hermano, vos sabés que
no hay que jugar...*

Спазм внизу живота заставляет ее остановиться, сжаться, сесть, уткнувшись спиной в угол стены.

В детстве у меня был волчонок Тоби. Маленький, помещался на ладони. Его шерстка была невероятно густой и мягкой. Я никогда не расставалась с ним. Его привез друг моего отца из

---

* И, возвращаясь, он как будто произнес:
«не забывай, братец,
ты же сам знаешь, не нужно было играть...».

Германии, поэтому в Москве такую же игрушку я не могла встретить. Папа рассказывал мне истории о приключениях Тобика в разных странах, на других планетах... Я целовала маленькую мордочку перед сном и засыпала, прижимая его к груди. Но однажды, зимой, я пошла к подружке в гости. Возвращаясь, положила Тобика в карман шубки из искусственного меха. Вечерело. Снег хрустел под ногами. Сжавшись от холода, я шла очень быстро, почти бежала. Как, где и когда... Переступив порог, я поняла, что потеряла его. Вдоль и поперек тропинка, дорога, каждый сугроб — его нигде не было. Папины сказки про Тобика не закончились... О том, что он замерз... Что ему одиноко и грустно... Что он зовет меня... Мой маленький волчонок. Перед сном я плакала, вспоминая его.

*7. Ангелом... Он захотел быть.
Нести свет сквозь тьмоту.*

Голубой полиэтилен безжалостно прилипал к ногам. Она яростно содрала бахилы с распухших ступней и бросила на пол. Стаи пациентов кружили среди желтоватых стен. А на улице — лето... «В матке обнаружено образование... непонятная структура... дополнительные исследования...» Ожидание бессмысленно. Сопротивление бесполезно. В мобильном бесконечное количество пропущенных вызовов: Андрей Иванович. Родители увязли в своем огороде. Папа ходит на рыбалку, потом чистит рыбу, живую, продолжающую трепыхаться. Мама отворачивается, прикусив губу, пока год за годом, когда сердце еще бьется... Нет, некого позвать. Диагноз, неотвратимый

меч, занесенный над головой, упадет как только откроется дверь.

Скрип. Вздрогнувшая ручка. За ней вереница скальпелей-уколов-капельниц... Лида срывается с места. Голос озадаченной медсестры ей вслед, но уже вдавлена кнопка «1 этаж», а лифт летит... В пропасть?..

Переступить через себя, вернуться к нему... Предать остатки своей разорванной души? И где заканчивается его власть?

Витольд все дальше и холоднее. Не отпускай, не отпускай... Но черные глаза не понимают печаль, темнеют от недосказанности. Она проваливается в жару, в танго, в тревожный взгляд девушки, зашедшей в конце урока. Кажется, ее зовут Аня.

— Ты тоже занимаешься этим — осознанными сновидениями? — спрашивает Серхио.

— Да. Как ты догадался?

«Перемещение посредством концентрации на дальнем объекте.

Для осуществления данной техники практику необходимо издалека взглянуть в мелкую деталь места, в котором он хотел бы оказаться. Чем пристальнее он будет пытаться разглядеть эту деталь, тем быстрее появится неожиданное ощущение, что он уже находится рядом с ней.»

— Знакомься, это моя партнерша. Ты опоздала, кстати, — рычит на нее. Аня лишь неловко теревит длинные пальцы, разглядывая Лиду, сидящую рядом с вентилятором. На лбу капельки пота. Он не доволен, что опоздала, или что пришла слишком рано?

— У тебя красивые туфли.

— Спасибо. Из Италии привезла. У тебя тоже.

— Из Буэнос-Айреса.

— Да, Сережа говорил мне. Понравилось?

— Очень.

— Мы тоже собираемся. Наверное, зимой...

— Наверное... — говорит маэстро, и голос его тише и дальше.

Значит, встречались — во сне. В каком именно? Ты видел его? Вечером, утром... Когда он приходит? Ты жарить мясо, Аня наливает вино в бокалы, пока Тень сидит на подоконнике? Как это бывает, Серхио?

— Ладно. Спасибо, до свидания.

— А когда ты придешь? — Аня вздрагивает от его вопроса, простого и лаконичного, скользнувшего по паркету.

— В понедельник... В среду... Может, в пятницу... Я не знаю. Но приду обязательно. Надеюсь, еще увидимся, Аня.

— Конечно. Конечно...

И снова ныряет в листву, которая скоро пожелтеет, съжится, обращаясь в гниль на сырой земле. Хочется домой, спрятаться. Но путаются мысли и забываются дороги. От чего-то смутного, неизбежного першит в горле. Дребезжание мобильного жалит руку.

— Здравствуй, Лидия. В воскресенье еду в Сергиев Посад. Так что... Могу тебя захватить. Как-то так...

— Хорошо.

— С нами будут еще люди. Встретимся, где всегда.

— Договорились.

Закончен разговор, но бархатная лента голоса Георгия все еще струится, норовя заткнуть ей рот.

Сомнение в нем, еле уловимое, как постепенно опускающийся туман. Знаком вопроса висит над ним тот день...

Глухой стук. Гном отпрянул, сжав кулаки.

— Андрей Иванович, мы закончили. До свидания. Лида, тебя внизу ждем.

— Сейчас уже ее отпущу. Всего доброго, до вторника тогда.

Окно и дверь, а кажется — выхода нет. Запах войлока, пота, пыли подступает.

— Это я пошутил, что тебя отпущу, — пальцы-щупальца тянутся к молодой коже.

— Мы еще посмотрим. Я сейчас уйду и все. Давай останови меня, если такой всесильный!

— Ты не выйдешь из этого здания. Лучше успокойся, — пена ярости обжигает губы, недавно растянутые в улыбке.

— Счастливо оставаться!

Она выпрыгнула из комнаты и бросилась к лестнице. Скорее, скорее... К глотку чистого воздуха. Старые потертые ступеньки крутой лестницы... Внезапно занавес, темнота. Потом чья-то рука на ее запястье. Пластилиновые веки еле открываются. Георгий слегка приподнимает ее голову.

— Тише, тише... Затылок болит?

— Не знаю. Дай встану.

— Далеко собралась?

— Виноват, виноват... Не рассчитал, — доносится бормотание Андрея Ивановича. А вокруг его фурии — кофе и шоколад, нужен сахар, сахар...

— Пошли в машину. — Лида поднимается, и на мгновение ощутив теплое кольцо объятия, проваливается в тишину.

— Ничего, ничего... Энергии немножко перекачали. Нужно подождать, когда распределится. - Георгий держит ее на руках и мягко опускает на кожаное сидение. Пока садится за руль, Андрей Иванович склоняется над ней, накладывая мясистую ладонь на разбитое колено.

— Прости, не хотел. Виноват. Мы все исправим.

— Не трогай меня! — Отстраняется Лида. И в этот момент он смотрит, не понимает... Глубокая тень пересекает смуглое лицо Георгия. Как же так?..

Ангелом... Он захотел быть. Нести свет сквозь темноту. Детство в Тбилиси среди цветущих садов и белых зданий. Потом Москва, неоновый салют, меняющий местами день и ночь. И отец, всегда поддерживающий. Спокойное любящее лицо. Меняются женщины, жены, но не выражение единственных глаз, которым можно доверять. Пока... Приоткрыта дверца Мерседеса — гул, грохот, шипение крови... Дождь выстрелов, задевший и его плечо. А глаза — смотрят все так же спокойно — в небо.

— Ну, что, Лидия... Наслышан я о ваших аргентинских приключениях. Садись. Кофе будешь?

— Кофе — конечно!

— И поскорее, видимо. Принцесса еще не проснулась. Гуляла долго?

— Что ты! Решала проблемы общечеловеческого масштаба.

— И как?

— Поясницу ломит.

— Ясно... Девушка, девушка! Нам, пожалуйста, еще один эспрессо, двойной. И поскорее желательно.

Лида откинулась на красном кожаном диване, медленно разглядывая черно-белые фотографии голливудских звезд. Георгий затаился, выпуская долгую струю дыма.

— Ты все куришь?

— Могла бы промолчать.

— Извини. Мы кого-то ждем?

— Да, сейчас еще трое подойдет.

— Только я спереди сяду, а то меня укачивает.

— То есть тебе резерв поставить.

— Именно.

Ее улыбка вспыхивает в его глазах. Запахи духов сплетаются на сигаретной линии над прямоугольным столом. Георгий пытается усмирить пристальный взгляд, но он вырывается, обволакивает. Лида кладет еще один кусок сахара в маленькую чашку, тщетно пытаясь спрятать его в черной жидкости.

— Может, еще сахарку попросить?

Она смеется: что же ты знаешь? Куда и зачем везешь меня? Что-то ласковое, очень ласковое под его ресницами.

— А... Вот и все в сборе.

— Здравствуйте. Я Лида. Если мы еще не знакомы. Просто не могу вспомнить. — Георгий пожимает плечами.

— Да, да... Это Лидия. В этом она вся.

Черный джип резко трогается и, набирая обороты, мчится сквозь пронзительные солнечные лучи. Все обсуждают проблемы гравитации, Индию, вторжение инопланетян... Ее колено, узкое и загорелое, слегка покачивается будто маятник: прошлое — настоящее, жизнь — смерть. Древесно-амбровый поворот шеи — к ней. Вкрадчивая мятная улыбка — для нее.

— А у тебя сейчас какой вес?

— Да по-прежнему полторашку не могу преодолеть.

— А почему так? — женский голос сзади.

— Растрчиваю себя много. Это ведь как: думаешь, сможешь человеку, объяснишь... А с тебя просто тянут и тянут... Вот Лида об этом много знает. К ней все присасываются.

— Это точно.

— Но Лида у нас особенная — у нее дар. Неспроста она в зал попала. Вон даже в Аргентину с Андреем Ивановичем ездила.

— Серьезно? В место силы? Где-то на юге, кажется...

— Да, на границе с Чили — Ушуая.

— И как?

— Вот сейчас и увидим. Я давно не занималась.

— Лида просто у нас как фейерверк — очень взрывоопасная девушка. Сложно ей следовать расписанию.

— Как и тебе без...

Его острый взгляд оборвал фразу. Лида отвернулась. Поля перетекали в лес. Сергиев Посад был уже близко. Ладони стали влажными. Куда деть руки? Как заглушить мысли? Алексей Борисович, не сработал твой рецепт... И снова, снова, снова... «Идите, идите, выходите оттуда; не касайтесь нечистого; выходите из среды его, очистите себя, носящие сосуды Господни.»

Вот и знакомый поворот: церковь, Макдональдс... Железные скрипучие ворота и глубокие ямы во дворе. Старое, обшарпанное здание телевидения Сергиева Посада. На третий этаж,

медленно, не спеша... Когда сжимается все внутри. Где же ты, Хулио, дорогой? Успокой меня. Дай силу и волю — пережить.

— Ну, здравствуй, как сама-то?

— Хорошо. А вы как?

— Хорошо говоришь... Что-то ты побледнела, похудела... Живот не болит? — Не сомкнула век, не вздрогнула, глубокий вздох не выпустила из груди. — Ладно. Переодевайся.

В душной раздевалке, насквозь пропитанной потом и ложью, Лида стянула с себя летнее платье. Взамен — лосины и майка. И, конечно, валенки. Она долго перебирала горы старого войлока в поисках подходящего размера, растягивая удавку времени, сжимающую горло. Он стоял посреди зала, сложив грубые руки на груди. Свет слишком яркий, ослепляющий, какой-то искусственный свет. Мимо улыбок и голосов, она направилась к тренажеру. Жим ногами лежа — одно из самых важных упражнений.

На спине, запрокинута голова, на стопы наваливается тяжесть, кажется, нестерпимая. Но через минуту — еще больший вес.

— Только не забывай дышать. Ты сможешь. Сможешь все, — подбадривает ее Вика. Да, она тоже пленница, уже лет двадцать как. Только жажду свободы не погасить, не купить. Еще рывок... 500... 700... От пяток до макушки все в огне. Кажется пробка вылетела из бутылки. Каждая мышца крепнет, наливается силой. 800... Чуть вздрогнули колени.

— Ну все, хватит. На сегодня достаточно.

Лида встает. Виски влажные, горят глаза и зрачки расширятся.

— Ты молодец, форму не потеряла. Даже чуть-чуть прибавила. — Андрей Иванович дотрагивается до ее локтя, направляя к следующему тренажеру. Молчаливый поединок, а Георгий смотрит, улавливает. И темные глаза его еще больше темнеют, заливаясь густыми чернилами сомнений.

— Когда ты приедешь ко мне? Не на занятия... В гости... Не отвечай пока. Поразмысли. Все говорят — Бог... Куда же он смотрит? Девушка, такая красивая, талантливая... И столько бед. Нужно быть с тем, кто защитит тебя.

— Или убьет.

— А это уж тебе решать. Как там Ира? Рассорились подружки.

— Она вам звонила?

— Зачем? Просто... Я тебя предубеждал.

Во рту нестерпимая горечь от его запаха. Ярость поднимается, но, не находя выхода, оседает в сердце мутным киселем безысходности. Хотя бы клочок надежды урвать у этого липкого дня... Боль в низу живота отступила. И можно бежать до края света... Правда, там она уже была — с ним, где конец всех дорог на всех картах мира. Еще больше силы вобрал он в себя из земли Ушуаи. А она все бродит в лабиринте.

Не отделаться... Что-то мощное проникло в нее. Электричеством наполнено каждое движение, и все вокруг вздрагивают от ее жаркого пластичного тела. Прикрыться нечем, тонкая ткань не может сдержать температуру кожи. Пьяная дорога обратно несется, шипит, выпрыгивая пеной из бокала этого дня. Двое попутчиков, сидящих сзади, припали к кожаному изголовью ее сидения.

— Лидия, у вас взгляд такой небесно-космический.., — растягивая гласные, произносит один из них.

Машина резко останавливается.

— Все. Приехали. Метро там. — Георгий достает сигарету, зло зажимает ее в зубах. Хлопки дверей. Неуклюжие «спасибо», «до свидания». — Небесно-космический... Что ты с ними делаешь?

— Опять куришь? Даже после занятия? Как же ты не слушаешься своего гуру?

— Девочка, будешь так разговаривать, сейчас тоже пешком пойдешь.

— Без проблем. — Она пожимает плечами и смотрит, смотрит... И пока не захочет, не отпустит... Ты близок, близок к нему...

— А лихо ты сегодня свои 800 взяла.

— Да. Сама не ожидала. Но что теперь?..

— Послушай... Ты голодная?

О... Не представляешь, насколько. Но только одно блюдо, которое подают холодным, может утолить жажду. Помоги... Приготовить его.

*8, Не стоить искать смысл — его нет. И вот
когда понимаешь это... Начинается танго.*

Остров манил, затягивал новыми непостижимыми уголками зелени и тумана. Огромные лестницы, ведущие к небу — к храмам. Можно было подняться по ступенькам. А иногда просто вспорхнуть и оказаться в облаках. Они все делали вместе. Ходили по воде, прикасаясь к прохладным лесткам лотосов. Бегали по пляжу, подпрыгивая до верхушки Халасан. Или плакали в ночном лесу.

Но однажды появился он. Проскользнул мимо, уничтожая их способность управлять реальностью. Во снах, а вскоре и наяву — Тень жаждала получить свое право на существование.

— Петр Владимирович... Да какого черта! Петя! Что делать?..

— Не знаю.

Его прозрачные голубые глаза бегали, будто тараканы на грязной кухне. Сильное тело как-то обмякло, потеряло форму. Неужели с ним она летала на цветущем Джеджу? Кто вообще этот человек?

— Что теперь?

— Курс физиотерапии нужно проводить...

— Пошел в жопу!

— Может, обратиться к Мише Радуге? В конце концов это его система...

Он слегка приподнял руку и замер. Так он делал там. Но нет... Здесь просто запутавшийся трус в белом халате.

— Не смей ко мне прикасаться!

Длинный коридор — она бежит прочь. Как же найти выход, который будет настоящим? Где найти ответ?

«Михаил Радуга — единственный в России исследователь феномена, наиболее известного под названием «внетелесные путешествия», «выход в астрал». Многолетнее опытное изучение этого явления (которое он обозначил термином «фаза») позволило Радуге создать собственную психопрактику.»

— Как думаешь, пойдём к нему?

Тень не ответила, просто проскользнула мимо. «Еще не умеет говорить со мной... И то хорошо,» — вздохнула Лида.

Cuántos desengaños, por una cabeza,
Yo juré mil veces, no vuelvo a insistir...*

---

* Сколько разочарований, из-за одной головы, я клялся тысячу раз, не испытывать удачу снова...

Просторный зал под сеткой пыли и заржавевшего желания, обращенного в хиро и сакады.

— А ты что серьезно прошла Випассану?

— Не то чтобы прошла... Но да, пыталась.

— И как?

— Знаешь, мне нужно было выяснить все о снах. Но Радуга был в Америке, а ждать, ждать я не могла. Так я оказалась в Катманду — думала поможет.

— Ясно... В танго приходят те, кто уже не ищет решения, потому что это бесполезно. Просто смириться — жизнь дерьмо. Люди глупые и жалкие. Не стоит искать смысл — его нет. И вот когда понимаешь это... Начинается танго. На три с половиной минуты забываешь обо всем. Растворяешься в партнерше, ощущаешь связь с ней в каждом движении, каждом взгляде... Как только стихает музыка, все, до свидания. А дальше все снова и снова... Это помогает жить — секс.

— А любовь?

— Нет никакой любви! Только инстинкты.

— В этом твоя проблема.

— В чем?

— Ты хочешь убедить себя, что любви нет, продолжая ее искать.

Он засмеялся, грустно прищуривая пронзительно голубые зрачки. Лида слегка похлопала его по плечу.

— Ничего, ничего... — новый всплеск его смеха. — Ты опять краснеешь... А где же твоя Аня? Скоро придет?

Медленно и вязко они поплыли по линии танца. Катманду... Катманду весь был охвачен огнем красного песка, висевшим над городом как про-

клятие. Не зная, куда себя деть, в преддверии практики молчания, она побывала на похоронах, и на свадьбе, и на празднике богини Холи, когда ошалевшие от солнца и самогона неварцы безжалостно забрасывали друг друга цветной пудрой. На закате она долго бежала по дворцовой площади от компании «красных», жаждущих приобщить ее к традициям. Пыль въелась в кожу, ноги горели. Она забилась в угол в кафе, находившимся рядом со Ступой. Смуглая карлица принесла ей тибетский суп, очень густой и горячий. С каждой ложкой ей становилось легче, силы постепенно возвращались. И она долго и внимательно разглядывала морщинистые лица крошечных официантов. Здесь работали одни карлики. А за окном развивались сотни цветных флажков с нацарапанными на них молитвами.

В зале было уже полно людей. Они ерзали на стульях, расправляли тетради на коленях, девушка в первом ряду рассматривала свои длинные алые ногти. В коридоре ассистент Михаила по-прежнему раздавала брошюры, попутно рассказывая о своих собственных астральных практиках. Ее большие светлые глаза, подведенные густой черной линией, загадочно улыбались каждому, кто к ней обращался. А заходящие мужчины не могли отвести взгляд от фарфоровой кожи, длинных ног, обтянутых узкими джинсами, белых прядей, скользящих в ложбинку упругой груди.

— Мария, а сколько вы уже практикуете? — раздался голос из толпы.

— Шесть лет, — серьезно ответила она.

— Простите, а вам сколько? — не смогла сдержаться Лида.

— Мне? Уже 22. Но... Пора. Сейчас начнется.

Энергичной походкой, сверкая белыми зубами и кроссовками, Михаил приблизился к доске и взял кусок мела. Как только он взмахнул рукой, Лида не могла отделаться от впечатления, что перед ней Леша. Та же манера говорить, жестикулировать, открытая улыбка... Та же бездна лжи — ее ждет.

— Сегодня мы обсудим общие принципы фазового состояния. И особенный акцент нашего разговора будет сделан на непрямых техниках. Сразу хочу уточнить, что мы обсуждаем только реальные астральные путешествия, к которым ни фантазии, ни обычные сновидения никакого отношения не имеют.

Аудитория замерла. Здесь были и непризнанные «гении» с непрекращающимся нервным тиком, экстравагантная старушка в черной шляпе с огромными полями, гламурные девицы, покачивающие острыми носами Louboutin, и те, кто вздрагивал при упоминании о возможности встречи с умершими.

Наблюдение образов, фантомные раскачивания, прислушивание, вращение, силовое засыпание... Он говорил... Говорил... Пока не наступило время вопросов, не потянулись руки вверх. А среди них — дрожащая, из смятого рукава оранжевой футболки.

— Михаил, а что делать, если кто-то начинает проникать оттуда?

— Поясните. Что вы имеете в виду?

— Если в фазе встречаешь кого-то, затем вторгающегося в твою реальную жизнь? И он не

оставляет тебя ни на минуту, постепенно завладевая личным пространством?

— Думаю, это как раз тот случай, когда не нужно путать фантазии с фазовым состоянием.

— Вы не понимаете...

— Следующий, пожалуйста. Да, да... Девушка, говорите.

Лида посмотрела вслед стремительно удаляющейся из аудитории фигуры, худой и съезжившейся. А ведь ему, наверное, не больше двадцати... Нет, она подождет пока все закончится. Пусть попробует ее отшить. Тогда придется вместе отправиться... На цветущий Джеджу.

«Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца Моя, и ярость Моя — она поддержала Меня...»

— Мне тоже хотелось бы кое-что спросить. — Тихо произнесла Лида, присаживаясь на край стола, пока вокруг раздавался шелест бумаги и скрип стульев. — Как раз по поводу вторжения...

— Да... И что же? — Он улыбался. Но улыбался как Леша, сдерживая неловкость, потирая влажные ладони.

— Дело в том, что я точно знаю, что Они способны пробираться в наш мир. И еще — знаю, что для вас это не новость.

Ее вопросы — некстати. Избавиться, отвертеться... Но почему такие густые ресницы, так сладко пахнет ее смуглая кожа? Маша здорово помогает ему. И долго, очень долго... Но нужно же обсудить ситуацию...

— Сейчас, к сожалению, у меня нет времени, которого, безусловно, требует этот разговор. Но

мы могли бы вернуться к нему на днях. Выпьем где-нибудь кофе и все обсудим. Договорились?..

Она кивнула. Похоже, попала в цель.

Заканчивался урок. И лето — заканчивалось. На прощание он поцеловал ее в щеку, долго смотрел в ее глаза, задержал ее узкую ладонь в своих горячих пальцах. Но все-таки она ушла, оставляя тяжелый одурманивающий шлейф духов.

Улыбка спала с ее лица, как только она оказалась за порогом. Порыв ветра поднял стаю пыли, неприятно осевшую на ее ресницах. Песок — вездесущий, навязчивый, липкий... Катманду весь состоял из песка и пыли.

Она провела в городе один день прежде чем отправиться на Випассану. После неудавшейся попытки попасть в храм Кумари, горячих лепешек с масала-чаем и долгой изнурительной прогулки по успевшему разогреться городу, она пришла в центр Гоенки. Заполнить анкеты, получить последние инструкции... Формальности. Даже здесь. Темное помещение рядом со стоянкой мотоциклов встретило ее резким запахом затхлости, кардамона и мочи. Горло сковал рвотный спазм. На улицу, на свободу, бежать... Предчувствие или сопротивление сознания против чего-то неизведанного? Она не знала. Поэтому, прижав платок к лицу, заставила себя войти внутрь. С глубокой печалью, с дредами, и даже весело вертя в руках мобильные, — все сидели на полу на плоских грязноватых подушках. «Silence, silence, silence...» — монотонно повторял голос проводившего собрание. Его грубое лицо не было обращено к кому-то конкретно. Казалось, своим

выражением оно обезличивало всех вокруг. Неприятный озноб прокатился по спине Лиды. «Это все тошнота... Из-за акклиматизации... Из-за карри, проклятого карри, от которого пересохло все внутри...» — успокаивала она себя. «Если возникает неведение, появляется реагирование; если возникает реагирование, появляется сознание...»

Успокоить. Убедить себя, что тщетное беспокойство всего лишь очередная уловка ума, чтобы держать ее в плену игр, повторяющихся из года в год. Она не хочет. Она выросла из этих примитивных правил. Найти освобождение внутри себя. Но почему так сладко вдохнуть воздух, красноватый от пыли, звенящий городской жизнью? Крысы снуют в разлагающемся мусоре, вокруг нехватка воды и денег... Но все же можно сесть в кафе на углу и заказать обжигающие острые мо-мо и наслаждаться переливами голосов прохожих. А впереди — «silence»...

«Если возникает сознание, появляется ум и материя; если возникает ум и материя, появляются шесть чувств...»

На рассвете она села в черный джип, предоставленный ей туристическим агентством. Город просыпался, тяжело вздыхая, не в силах сбросить мутное покрывало ночи. Дорога извивалась вверх. А там... Там был покой. И снег. Всеобъемлющее равнодушие вершин. Там были Гималаи. Прозрачная чистота начала проскальзывать сквозь автомобильные стекла.

«Если возникают шесть чувств, появляется соприкосновение; если возникает соприкосновение, появляются ощущения...»

Становилось холодно. Лида начала жалеть о своем вялом завтраке, нужно было подкрепиться как следует. Водитель щелкал кнопками радио в поисках подходящей мелодии. «Hotel California», а следом что-то веселое на местном диалекте. Мир контрастов. А горы затягивали...

«Если возникает ощущение, появляется влечение и отвращение; если возникают влечение и отвращение, появляется привязанность...»

Влажная земля, окутанная густой зеленью и дремлющими цветами, смягчала боль и Лида думала, что страх стихает. Уже скоро... Только бы знать... Она поступила правильно?

«Если возникает привязанность, появляется становление; если возникает становление, появляется рождение...»

— А вы проходили Випассану? — спросила она водителя, весело барабанящего пальцами по рулю.

— Я? Еще чего! Я футбол люблю. И пиво выпить. Мне деньги нужно зарабатывать, чтоб прокормить отца, мать и сестер младших. Какая еще Випассана?!

«Если возникает рождение, появляются угасание и смерть вместе с печалью, горестями, телесными и душевными страданиями и бедами.»

— А туристов отвозили?

— Да. Случалось. И обратно иногда забирал после того, как прошли.

— И что они говорили?

— Ничего. Они молчали. И смотрели как-то странно — в пустоту.

«Так возникает вся эта совокупность страданий.»

9. Слипаются веки. Она не замечает, как он бесшумно подходит и садится рядом.

Не совладать. С надвигающейся осенью. С отчуждением, проскользнувшим как сквозняк в дом. Просыпаюсь и не хочу открывать глаза. Кричать громко и долго, но вместо этого осиплость в голосе. Слова, всхлипывания оседают в легких. И воздуха — все меньше. Молитвы закончились. Боль поглотила меня, выжигая все бессмысленным течением времени. Прижаться к Витольду так сильно, чтобы раствориться в его дыхании... Порыв... Дождь, который не случился. И небо, окутанное давящей серостью, о легкости — забывает.

Все чаще... Мимо пробегает девочка. Ей не больше пяти. Ее платье светлое. И вокруг — волшебство. За стайей листьев, поднимаемой ветром,

ей нравится бегать. Когда роса замирает на темно-зеленых листьях...

Когда ветка сирени так близко, что все превращается в фиолетовую дымку, в сладость, в предвкушение...

Предупредить, уберечь... Только успокойся, только не плачь, девочка. Мечты есть у всех. И, наверное, у всех есть душа...

Услышать мамин голос. Зачем? Там только ледяное непонимание, только ворох повседневных забот. И ты — далеко не первая. Ты уже взрослая. Давно взрослая. А значит, кому какое дело?

Только ты, Хулио... Берешь меня за руку, увлекая на узкую Суипачу, охваченную подступающим вечером. Ты высокий, какой же ты высокий... Рядом с тобой я как та пятилетняя девочка. Могу спрятаться в твоих манжетах, в звуках саксофона в твоем сердце, в чашке кофе, которую ты мне предложишь. Уличные кафе звенят голосами и тарелками.

— Хочешь в кино?

— Конечно! Почему нет?

«Салями делают из ослятины?» Это и правда удивительно, дорогой. И так, с намерением посмотреть какой-нибудь легкий фильм, чтобы проветриться от собственных мыслей, мы идем дальше. В глубь города, в его воронку, где все превращается в танго, в туман. Но мне не страшно... За маленькую девочку, навсегда ускользнувшую в поезде ожиданий. Пусть будет кино, Хулио. Пусть будет ветер, срывающий афиши. Только не отпускай мою руку, когда боль внизу живота станет всеобъемлющей. Когда пощечину и улыбку — не смогу различить. «И единственное возможное

слово, которое никак не выговоришь, только думаешь о нем беспрерывно...»

— Випассана — это операция на головном мозге, которую мы проводим сами без анестезии. Подобно тому, как пациент не может покинуть операционную несмотря на мучения, человек не может уйти из Центра, пока Випассана не закончена. Если практику не довести до конца, психика становится нестабильной, реакции непредсказуемы.

И снова — тошнота. Горьковатая липкая затхлость каким-то образом переместилась из Катманду в этот зал, в окружении гималайских лесов. Лида ерзала на жестком полу, спина уже ныла, а перед глазами то и дело всплывала колючая проволока, которой был обтянут забор. Зачем она здесь? Когда они подъехали, ржавые шипы сразу бросились ей в глаза. Затем, железные ворота, а за ними охранники, человек десять. Все — смуглые, с четким рельефом мышц под темной одеждой. Ни улыбок на лицах, ни безмятежности... В пол-оборота, с жадностью оглядели ее. Мурашки поползли по коже. Из только что прибывшего автобуса выстроилась очередь, чтобы отдать на время прохождения курса паспорта, деньги, мобильные и даже талисманы. Плечи вздрогнули, желудок сковал спазм. Маленького медвежонка она спрятала поглубже в сумку, туда же кредитную карту. «На всякий случай», — шепнул ей водитель, проводивший ее, засовывая мобильный в косметичку.

— Где телефон? — просипел охранник.

— У меня. Я ее друг, пока у себя оставляю. — Весело ответил он на местном диалекте.

Растерянно она пошла за остальными. Здесь нужно было соблюдать тишину. Жестами одна из настоятельниц показала ее келью: маленькую комнатку, с огромными щелями в стенах, сквозь которые просачивался ветер. Она с трудом затащила чемодан и, запыхавшись, присела на скрипучую кровать. За маленькой дверью был туалет, на стене висел кран — местный душ с ледяной водой. «Ничего, ничего...» — прошептала она, прижимая медвежонка к груди.

А потом ее привели сюда, на собрание, где в последний раз можно говорить.

Анапана-сати — осознание дыхания...

Сквозняк, тяжесть в сердце, колючая серость... Испытание. Она готова, только бы хоть один проблеск успокоения, к которому она сможет добираться как лодка в черной воде к маяку. Но его не было.

Самма ваяма — правильное усилие.

Самма сати — правильное осознание.

Самма самадхи — правильное сосредоточение.

Покашливание, шелест, сиплое дыхание — звуки человеческих тел. Они могли бы приободрить, но казалось, что их глаза становятся стеклянными, что каждый заключен в невидимую клетку.

— Мы должны положить конец неведению, тогда избавимся от слепого реагирования, которое порождает все виды страдания. И если больше не будет страдания, мы ощутим подлинный мир, подлинное счастье. Колесо Страдания сменится Колесом Освобождения. Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя.

Он говорил, нанося удары тишине лезвием своего голоса. Худое тело было спрятано в грубую ткань. А пальцы — ледяные. Она была уверена, что ледяные. И за всеми словами о просветлении при- таилась ярость. Может голод, или высота... Но она видела их — демонов, вылетающих из его рта.

Их проводили в столовую. Полагалось два при- ема пищи в день: завтрак и обед. Сейчас было как раз время второго — 12 часов. Алюминиевые тарелки и стаканы. В кастрюле что-то краснова- тое — склизкие тушеные овощи, приправленные изрядной порцией перца. Еще тонкие жесткие лепешки и в чайнике горячая жидкость, отдален- но напоминающая чай. Вместе со всеми Лида села на каменный пол и начала есть. Горячая жижа щипала горло, хлебные крошки застревали в зубах. Хотелось плакать. Но завтра... Завтра, конечно, будет легче. Сознание — сопротивляет- ся. Нельзя позволить взять ему верх над душой. А если это душа? Скорее бы закончилась эта тю- ремная трапеза. Обнять медвежонка, дать волю слезам... Господи... Витольд, как же ты отпустил меня? Дом, родные, любимые... Проклятые сны. Нет, нет... Завтра будет легче.

И даже если солнце греет — это обман. Уже осень, и лишь последние призраки тепла про- летают над городом. Мысли в голове слиплись в один бесформенный огромный ком, который да- вит и давит. Не поднять головы. Она снова в ло- вушке неотвеченных звонков. Поехать к нему... Нет, только с одной целью, не завершённой на твоей родине, Хулио. Перебирает варианты, сле- дующий ход... И никого — рядом нет.

- Алло, привет.
- Да.
- Не узнаешь?
- Может и так. Но у меня твой номер определился, Георгий.
- В воскресенье еду. Тебя захватить?
- Вряд ли... Времени нет.
- Нужно же его находить для самых главных вещей?
- Да... Просто...
- Слушай, а я сейчас как раз мимо твоего дома буду проезжать. Давай поболтаем?
- Не знаю... Я уходить собиралась.
- А тебе куда? Я подброшу.
- Ладно.

Натягивает чулки в плотное кольцо сомнений. Зачем ты здесь? Он послал? Или желание под воздействием травки — побеждает? И холод, непонятный холод ползет по спине. А под окном уже скрип тормозов.

- Можешь не курить?
- Уже командуешь?
- Просто воздуха последнее время становится все меньше. Не находишь?
- Наверное, это люди вокруг тебя слишком голодные.
- А мне что делать?
- Отгораживаться.
- Тогда пойду...
- Не со мной. Я тебя сам накормлю — досьта.
- Угрожаешь?
- Предлагаю...
- И?..

— Что-то происходит... Ты очень красивая. Но дело не в этом. Понимаешь... Тебе нельзя останавливаться.

— А тебе уже пора. Когда ты бросишь дурь?

— Кто тебе сказал?

— Сама догадалась.

— По-моему тебе не следует совать свой носик куда не следует.

— Это ты приехал...

— Я понял, так должно быть. Пространство обрело форму... Только не знаю... мне страшно... Боюсь причинить тебе боль.

Слегка приближается, смотрит куда-то вдаль, будто заходит в теплую воду. Его лицо склоняется над ней.

— Это все, что ты хотел мне сказать?

— Информация передается не только посредством слов.

— Правильно. Весь мир — текст, знаковая система.

— И твоя походка, и твоя улыбка, и твой взгляд... Как там? «Небесно-космический»? Она отталкивает его, заливаясь смехом. Внезапно солнце разрывает серое небо и обволакивает их маслянисто-золотым светом.

— У тебя есть еще полчаса? Выпьем кофе?

— Хорошо.

Машина медленно трогается. Лида вглядывается в улицы, пытается узнать город. Но линии размываются. Здания смешиваются с дорогами, превращаясь в расплавленную лаву мести. Подступающую. Георгий снова курит, включает музыку громче. Что-то этническое... Барабаны.

— Мне на секунду нужно домой забежать, забрать кое-что. Подождешь в машине?

— Хорошо.

— Или, может, со мной поднимешься? Посмотришь, как живу...

— Слушай...

— Да не собираюсь я! За кого ты меня принимаешь?!

— Ладно...

— Не знаю, с кем ты привыкла общаться...

— Извини.

Подземная парковка. Спертый душный воздух среди туго закрученных труб. Заходят в лифт.

«Бедная, бросаемая бурей, безутешная! Вот, Я положу камни твои на рубине и сделаю основание твое из сапфиров...»

— Давно здесь живешь?

— Да нет. Год, наверное...

Страх. Только кто кого боится — непонятно. Слишком мало места, часы на его руке тикают и может не стоит... Но двери уже распахиваются перед ней.

— В общем, вот мое логово.

— Очень уютно.

Сквозь просторную кухню, с причудливо изогнутыми углами, проводит ее в гостиную. Экран на всю стену, кресло, бежевый диван, усыпанный подушками. Слева тянутся полки, плотно заставленные книгами.

— О!

— Да. А ты думала, я только комиксы читаю? Присаживайся. Что тебе принести? Есть нечего. Воды или чай? Ты же не пьешь чай... Забыл.

— Спасибо, ничего не нужно. Мы же ненадолго...

— Кстати. Хотел тебе показать, — протягивает несколько фотографий. — Мои дети. — Двое мальчиков и хорошенькая девочка. У всех одинаково сверкают черные глаза.

— Очень красивые. На тебя похожи.

— Да. И слава Богу. Ладно... Я скоро. Пока кино тебе включу.

Он исчезает в полумраке лабиринта квартиры. Не замечая сменяющихся кадров, она разглядывает комнату. Обстановка похожа на декорации или отель... Или сон... Подушки мягкие. Она сворачивается калачиком, ощутив внезапный прилив усталости. Слипаются веки. Она не замечает, как он бесшумно подходит и садится рядом.

— Это тебя фильм усыпил?

— Нет... Не знаю. Все? Можем идти?

— Да.

— А зачем мы приходили?

Он пожимает плечами и зрачки его расширены и наполнены тревожным блеском.

— Я тоже устал.

Ложится рядом, мягко обнимая ее одной рукой. Она вскакивает.

— Уходим.

Встает. Обхватывает ее, поднимает, запрокидывает к себе на плечи.

— Отпусти! Быстро!

Идет, нет, бежит с ней через кухню, пересекает коридор, прихожую. Не разжимая объятий — к спальне. Она бьет его, кусает, царапает... А он смеется. Запыхавшись, падают на пол. Отпускает ее.

— Ладно, ладно... Я пошутил. Знаю, что нельзя. И потом... Ты такая хрупкая... Боюсь, не выдер-

жишь. Боюсь раздавить, разорвать... Пока будем просто общаться. Правда?

Ее трясет как в лихорадке. В углу черная статуя какого-то неизвестного божества тянет к ней множество рук.

— Пока?

— Когда поднимешь полторашку, вернемся к этому разговору.

— А что изменится?

— Все, девочка. Все изменится.

Он поправляет ремень, футболку, набрасывает кожаную куртку D&G. И когда они за порогом, ключ уже в замке, он прижимается к ее губам. Пламя обрушивается на нее. Отстраняется.

— Мы вроде кофе хотели?

Лида вызывает лифт, пытаясь сдержать улыбку. На что теперь ты готов ради своего гуру?..

*10. Впивается жало мертвой пчелы
В мясо на улице...*

Наступило утро. Наверное. Протяжный звон гонга призывал к медитации. Было темно и холодно. Лида начала медленно расстегивать спальный мешок озябшими руками. Порывистый ветер хлестал из всех щелей. «Начинается новый день, все будет иначе...» — уговаривала она себя. Но что-то тяжелое сдавило грудь, виски. Поверх шерстяных носок она натянула еще одни, спрятала медвежонка поглубже в сумку и, закутавшись в куртку, вышла на улицу. словно загипнотизированные, люди медленно стекались к главному залу. На каменную лестницу нужно было ступать без обуви, потому что даже крыльцо уже считалось священной территорией. Сняв обувь, Лида мгновенно ощутила как шерсть впитывает влагу.

— Продолжаем практику. Осознаем собственное дыхание. Наблюдаем его с внешней стороны ноздрей, затем с внутренней.

Что тут может быть сложного? Только спина, охваченная огнем, онемевшая. Голод прогоняет сон, а сон стирает озноб. И это — ничего. Если бы не одиночество, заползающее в каждый уголок тела. Прислониться к стене... Но настоятельница резко указывает ее место, никаких поблажек. А как же сострадание? И вот уже колючие шипы забора впиваются в кожу, стены истекают кровью, тучи пауков бегут по голове... Пытается отмахнуться, задевает рукой об угол стола. Откуда он здесь? Нет, это она... Она уже в своей келье. Господи... Выдергивает медвежонка, замаскированного в сумке. Обнимает его: «Ничего... Еще немного нужно потерпеть. Потом поедем домой. С Витольдом и Киану... Все будем вместе. И что интересно я хотела понять? Что у меня все есть?» Что-то липкое и кровавое струится со всех сторон... Да это же котенок... Его машина сбила. Мама! Что за стук? Крики? «Не выходи из комнаты.» Отец ругается, барабанит кулаками по стене... Он пьяный. Мама... Ранен. У него же кровь из бедра хлещет! «Не выходи из комнаты.» Уже зима, совсем зима... Земля покрылась коркой льда. Видишь, там мы похоронили его. Теперь дома так тихо, без его щебетания, так серо без ярких голубых крыльев. Ночь, а мама снова смотрит на дверь. Когда он придет? И придет ли? И что за кровь по моим ногам? Так душно, невозможно терпеть. Она ищет что-нибудь... Ножницы или веревку... Только бы прекратить. Нет электричества, лампочка не горит. Веки слиплись от слез. Хоть что-нибудь... Чтобы прекратить. Сжимает

плюшевую шерстку: «Ну, поговори со мной...»
Дорогой... Витольд в белоснежном махровом халате наигрывает грустную мелодию на гитаре, рядом маленький Киану подбрасывает резинового динозавра... Высоко, до самого потолка. Я вернусь. Обязательно... Она отбрасывает в сторону пилочку для ногтей, сверкающую в темноте острым лезвием, и падает на скрипучие пружины кровати. Моргает.

Взрыв гонга. Но где-то очень далеко... Пусть...

Кто-то трясет ее за плечи: «Вставай!» Нет, не могу...

Сильная рука заставляет ее подняться.

Голос говорит. Инструкции. Познать ятху-бутху*.
Мать вашу...

Она начинает наблюдать за дыханием. Но взгляд соскальзывает на стопы. Они закованы в мокрые холодные нитки. Кажется шерстяное волокно начало проникать в кожу, в кости... А стопы разрастаются. Она и есть стопа и больше ничего. Кусок замороженного мяса, стянутый тугими нитками. Гонг.

Какой сегодня день?

Мясо на улице.

Жарится, жарится...

Угасающий день.

Ее тень на асфальте — исчезает.

Впивается жало мертвой пчелы

В мясо на улице...

---

* Букв. «как оно есть», реальность.

Por una cabeza, metejon de un día,
De aquella coqueta y risueña mujer...*

Как и зачем?.. Опадали листья. Осень оплакивала лето и все, что безвозвратно... Только отогнать этот гул, навязчивый и нестерпимый, она хотела. И если бы услышать шепот, шепот ее сердца... О том, что только когда уже нет любви... Только тогда. Совершить предательство.

Где и когда?.. Он поправил браслет на ее запястье, запустил пальцы в волосы на ее затылке. Он сказал: «Лидочка.» Так в детстве ее называла мама, растягивая гласные. Ли-до-чка... А она устала. Очень. Спрятаться в кофейной гуще и учащенном пульсе сжимающей руки. Просто кофе... Просто поцелуй... Просто танго...

— Что же случилось, Лидочка?

— Todo... Я не знала, что делать. И тогда... Я поехала в Аргентину. Но одной мне было не справиться. Я взяла Иру. Она не только моя подруга, но еще и домработница, без поддержки, без прописки... Даже если бы захотела потом рассказать, ее бы никто не стал слушать. Но ничего не вышло. Ничего...

— Может, в этом весь смысл?

— Наверное...

В тот день было много солнца. Оно обжигало глаза после долгой серой зимы. «Еще немного похожу к нему и все», — твердила она про себя. От его цепкого взгляда всегда поташнивало. Но

---

* Из-за этой головы, моя однодневная страсть, что была веселой и кокетливой.

она выполняла упражнения и ускользала из зала, дразня его разгоряченное естество. Но в этот раз... Никого не было. Лучи струились из огромных окон, освещая клубы пыли, оседавшей на войлок.

— Ну, здравствуй, Лидия...

— А где все?

— Да я отменил занятие, чтобы мы могли поговорить. А то все второпях, в спешке...

— Ясно... — Она огляделась. Дверь не заперта. Да и внизу люди ходят, все слышно. Не стоит паниковать. — И о чем именно, Андрей Иванович?

Он приближался. И вместе с ним что-то плотное, удушливое, мгновенно сбивающее с ног... Лида не успела понять. Внезапно она взлетела к потолку. И оттуда... Тело... Ее тело, опрокинутое на стол. Задранный подол платья. Глаза распахнуты и смотрят прямо на нее, пока слезы непрерывными струями рассекают лицо. Закричать... Но нет голоса. Черного разрастающегося дракона отогнать, отодрать... Но тело — внизу. А она высоко, лишённая звуков, обреченная видеть, как он впивается, вгрызается, вонзает... Распахнуто окно. Там свет. Там весна. Она сплетается с лучом, чтобы вырваться, не видеть... Чтобы обрести небо, безраздельное...

— Очнись! Лидия, Лида...

Свинцом налился затылок — не поднять головы. Онемела спина, внизу живота все горит, а по ногам что-то вязкое...

— Прости. Я не хотел, чтобы так.

Пытается пошевелиться. Хочется пить, невыносимо. Кажется, в ее коже, мышцах больше не осталось жидкости. Она вся высохла изнутри. Пустыня.

— Не бойся. Скоро тебе станет легче. Но теперь все — ты никогда не сможешь уйти. Кровь-информация. Теперь ты моя. И всем, чем ты наделена, я научу тебя пользоваться.

Она встает. Красный водопад хлещет из нее, тихий хриплый смех срывается со вздрагивающих губ.

— Тише, тише... Сейчас пройдет. — Кладет свои огромные корявые лапы на живот, на поясницу.

Хочется пить...

— Прости. Я... Я тебя люблю.

Изумрудные глаза в траурном обрамлении черных разводов туши смотрят на него. Снисхождение и жалость в них.

— Конечно, Андрей Иванович... Я пойду.

— Лидия, если ты не услышала моих слов... Если тебе вздумается рассказывать об этом... Те, кто дороги тебе больше всего...

— Не смей!

— Учти. Я слово держу.

— Я тоже. Учти это.

Жажда сжигает горло. Тело ломит лихорадка ненависти. Так глупо... Так просто... И нужно собрать себя заново из крошечных осколков, чтобы вернуться в дом. Чтобы уберечь их, дорогих, от щупальцев демона...

Она поняла — уже утро. Озноб теперь чередовался с жаром. Слабость сковала движения. Дверь распахнулась. Женщина резким движением показала, чтоб она встала.

— Мне нужен врач. Срочно, — произнесла Лидя. Наставница вздрогнула от слов. Как смеет

она осквернять священную тишину? — Мне нужна медицинская помощь. Я больна и должна покинуть центр.

В ответ только резкое качание головы. Вспышка сна, мокрый лоб... Мускулистые руки охранников пытаются поднять ее. Но обессилив, она падает обратно на железную кровать.

— Мне нужен врач... — шепчет она вновь пришедшей женщине, укутанной в грубую серую ткань.

— Жить или умереть личный выбор каждого. Випассана помогает сделать его. Если ты можешь преодолеть боль, дальше избавляешься от страданий. Если нет — смерть. Раньше или позже.

Сквозь видения, минуты темноты, молитвы... Рука ищет, нащупывает мобильный. Номер, заветные цифры, код ее жизни, единственной настоящей... Дом. Гудок, как лезвие, вонзающееся в плоть. Нет связи.

Со всех сторон обезличивающая, подавляющая тишина. Пелена спадает с глаз. Какого черта? Нет, она не позволит. Внутри вспыхивает образ сына, освещающий все, что впереди. Короткими движениями, маленькими шагами... До чемодана. Где-то была аптечка... Жаропонижающее: 2 таблетки. Что еще? Шоколадка, сухари... Последний рывок. Все продумать. Собрать волю. Предстоит долгий путь... Но что может быть дольше разлуки с теми, кого любишь?

Полоса ночи, рюкзак на плечах, от слабости тошнота... Потом глубокие порезы от шипов на заборе и долгие шаги в темноте. Пока наконец не проступают очертания дороги, не появляется первая розовато-молочная полоса рассвета.

Дальше деревня, автобус... и кажется, прошла целая жизнь. «Все хорошо... Если бы не ты, я бы сошла с ума...» — шепчет маленькому медвежонку. Тяжелая дверь российского консульства. И здесь, уже за порогом, она падает, погружаясь в новую волну жара и бреда. Сквозь туман капельница, горячая ложка супа... Девушка... Зовут Нисса. Кажется она опять перевернула тарелку и выкрикивала что-то о правах человека... А где-то вдали, пролетая над красными кирпичными крышами, звуки флейты — протяжные и нежные. Они струятся по ней, пробуждая, стряхивая пепел, разрушая сумрак тишины... Они напоминают об ожидании, возвращают очертания лиц, к которым она стремится... Потягиваясь, открывает глаза новому дню.

Она с ним... Вертится в клубке смятых простыней, на скоростном поезде пролетая мимо ее жизни. Запах свежих опилок на даче, мокрые фиолетовые флоксы, усыпанные крупными каплями росы, белое платье, которое сшила мама, первый поцелуй... «Ли-до-чка...» Он варит густой кофе, поджаривает ломтики хлеба и сыр на них — растекается. Все далеко, где-то... Ее жизнь — далеко. Он все твердит, что она его судьба, запутывающая клубок ее мыслей. Протест, всеобъемлющий, взрывается в ней как перезрелый плод.

— Когда приедешь? — настойчиво спрашивает голос в телефоне.

— Андрей Иванович... Никогда. Никогда...

— Неблагодарная, неблагодарная дочь..., — причитает мать, строя в голове прошлое, которого не было.

— Идите вы!.. — кричит Лида, захлебываясь яростью.

И плачет, плачет... Когда пьет его кофе. «Но теперь... Теперь все будет хорошо. Тысячи неверных шагов, а Бог уберег... Все наладится. Я с тобой. Я помогу маленькой Лидочке, которую ты забыла...»

— Интересная картина... — на стене пейзаж с непроницаемой хвоей сосен.

— Это написала дочь моих знакомых, очень талантливая девочка.

— Везде — лес. Даже здесь. Ты тоже бросишь меня среди мокрых веток?

Она поехала с Лешей. В конце концов это все он, привел ее к Мудрову. «Не смей больше приезжать со своим врачом-спасителем!» — говорил ей Андрей Иванович. Поэтому их появление вместе она расценивала как маленькую победу. Пока они не оказались на шоссе, ведущем обратно в город.

Здесь, здесь... Что-то солоноватое появилось в его взгляде.

— Так что ж ты не сказала о знакомстве с Радугой?

— Не хотела тебе кайф обламывать. Да и какое знакомство? Была на семинаре, потом с ним встретилась...

— И как прошло?

— Что?

— Личное общение?

— Никак. От всех конкретных вопросов он уклонялся. Как понял, что знаю о людях в психушке, весь побледнел. В общем, он сам напуган до

смерти. Предложил совместный астрал, но это уже когда под юбку хотел залезть. Короче, сам не знает, что со своим плагиатом делать.

Машина вздрогнула от резкого торможения. Тяжелая ладонь соскользнула с руля на ее колено, до боли сжав его. Потом ветки, дождь, мутное небо и тихие всхлипывания... Туфли, застрявшие в грязи. Пальцы, обхватившие ее горло. Жажда крови, висящая над ним густым облаком. Хлесткий удар страха, заставляющий его бежать прочь. Бездна неба над запрокинутой головой, над волосами, запутавшимися в сырой траве... Его возвращение, его объятие, полное нежности и безысходности. Мультифокальная личность...

— А знаешь, я трахалась в твоей больнице...

— С кем?..

— С Петей, — обман, чтобы вызвать в нем новую вспышку ярости. Как ты жалок, как ты глуп...

Но хлоралгидрат + феноборбитал... В аптеке вряд ли...

— Лида... Может, ты птица?.. А давай встретимся во сне?..

«И сказал им царь: сон снился мне, и тревожится дух мой; желаю знать этот сон.»

*11. Спрашивает себя, и этот вопрос
превращается в воду, в хлеб, в воздух...*

Basta de carreras, se acaby la timba,
Un final recido yo no vuelvo a ver...*

Она знала, что перешла границу. Оглядывалась, пытаясь различить черту. Но туман застилал все. Дом стал другим, казалось даже стены поменяли очертания. Ее захлестывала жажда прикоснуться к Витольду... Но она не смела. Он и сын — теперь за стеклом. Она бежала, бежала...

К нему. И он требовал — чтоб осталась. Его влажные глаза умоляли, упрекали в одиночестве. Звенья цепи, такой тяжелой, тянущей в пропасть... Обрубить, остановиться... Если бы, если бы...

---

* Хватит скачек! Я больше не буду играть,
я не буду возвращаться, чтобы смотреть на фотофиниш...

Боль внизу живота закипала, разливалась, обжигая поясницу. Зря, наверное, летом она убежала из больницы. Да еще тошнота, головокружение...

— Что с тобой? — спросил Серхио.

— Я сейчас... — ответила она, проваливаясь на дно темноты.

Когда она открыла глаза, он прижимал ее ладонь к своей груди. Вокруг суетились люди... Танго еще кружилось над ними, но уже никто не замечал.

Наступила осень. Глубокая, безысходная... Голые ветви больше не могли скрывать тайны улиц. Ложь, как яд, сочилась сквозь кожу. Выпал снег. Он был колючим и грязным. Тест на беременность показал +.

Невозможно. Господи, за что?.. Обломков мира уже не собрать. Она хотела правды. Что ж... Вот она. Внутри. Вопреки всем медицинским показаниям, всем предосторожностям. В один миг — она потеряла все.

Что же делать, Хулио?., «...будет ли пес повседневности ждать меня и вилять хвостом, будут ли пластинки, и книги, и моя квартира...» Маме, она могла бы рассказать. Но не той, что сейчас изо дня в день захлопывала дверцу своей души. Другой, которая в детстве поправляла ей одеяло. Где ты?.. Ты уступила жестокости и равнодушию. Ты сама превратилась в них. Теперь бросаешь трубки, варишься в серой злости, быстрее замешивая мясной фарш. Чтобы поспеть — к ужину. И больше не найти тебя, не вернуть... Дальше мертвых — родители, погруженные в шахматы быта, зависти, пустых часов перед телевизором.

Кричать. Но кому?.. Повернуть время вспять. В тот день, где молочная сладость волос на за-

тылке сына, и мягкое объятие Витольда... Но нет: «Ты моя судьба», — твердит голос в телефонной трубке. Рука тянется к животу, теперь не ей решать, а его уберечь.

И только более тяжелые тучи, более острая боль... Непроницаемые ночи, окутанные потоками слез. Кто отец?.. И если бы можно было просто уйти в небытие, где нет страхов, предчувствий, где нет — любви...

Судорожно подсчитываемые дни собираются, сжимаются в ней... Внезапно разрываясь. Кровь по ногам. Она не хочет верить, не хочет понимать. «Во время не почистили», — говорит врач. А она убегает. Прочь... Прочь... Пока не оказывается на операционном столе.

Наверное, была бы девочка...

Она родилась бы в июле...

Но трубы и яичники — слишком долго.

Наверное...

А теперь никогда...

Витольд смотрит с нежностью. Гладит пылающий лоб. Только с ним... Навсегда... Но будет ли он любить, если узнает? Спрашивает себя, и этот вопрос превращается в воду, в хлеб, в воздух... Пока кроме него не остается ничего. И если ложь идеальна, правда сама слетает с губ...

Вот он — конец. Звонящая тишина молчания. Все объяснения глупы и нелепы. Убивает, уничтожает дорогое сердце неловкими признаниями. Как и почему?... Просто не нашла опоры в зыбкой луже повседневности. И если бы иначе... А что теперь?..

Только бежать. Бежать... Под широкие ветви платана, где шум ветра создает тихую мелодию

танго не оброненных слез, не сдержанных обещаний... В Буэнос-Айрес — город снов... Плачущее небо вздрагивает над мокрыми крышами. Пахнет корицей, недавно ушедшей жарой, воспоминаниями, которых никогда не будет... Порыв ветра распахивает черный шелк кимоно, руки цепляются за перила и босые ноги ступают на шифер крыши. Вот так, Хулио... Мечты об Аргентине. Больше, чем танец. Больше, чем жизнь. Танго это все, о чем умолчали. Что безвозвратно потеряно. Три с половиной минуты, когда вкус надежды слегка касается губ, щекочет небо... Он рвет душу — этот вкус. Пока не стихнет музыка, погружая ночь в равнодушие тишины. Последний шаг в пустоту, в пейзаж, размытый дождем и кровью. Последний полет раненой птицы. Озябшие стопы готовы соскользнуть. Лишь бы не слышать его глубокий вздох, не видеть — его глаз, не понимать — что он всегда, всегда был единственным... Ее муж.

Хулио, дорогой... Возьми меня за руку. «Мост — это человек, идущий по мосту, че.» Ты знаешь. Ты обретаешь меня в прочитанных строках в моей голове. «Если я играю, а тебе чудятся ангелы, я тут ни при чем.» О нет... Так возьми же... Меня за руку. Чтобы вместе — как лед в стакан — на асфальт. Кружиться и кружиться... В запахе желтых цветов магнолий. Но как же?... А утренний кофе с медиалунасами? Мы добавим виски, или коньяк... Или все вместе. Никто не узнает. Завтра воскресенье. Дети будут играть во дворе. Ты должна увидеть это сломанное дерево под моим окном. Иначе — нельзя... На ощупь, обратно. В тепло комнаты, в одеяло, в тихие всхлипывания — во сне... День

подступает. Он более мягкий, светлый... Прекратился дождь. Кроткая свежесть скользит по листе. Иногда от Ла-Платы доносится прохладное дуновение — здесь почти осень. А дома — почти весна.. Спокойные, расслабленные улицы струятся перед ней полотно уличных кафе, переливами голосов, бликами солнца сквозь вуаль облатков. Она садится в такси и едет. Куда?.. К нему, все дороги ее жизни ведут к нему, в колыбель его слов. Зелено и тихо. Опускается на гладкую скамейку во дворе. Медовые волны поднимаются над фиолетовыми клумбами фиалок. Ставни его окон закрыты. Новые владельцы квартиры еще спят, или уехали, или умерли... Подумал бы кто-нибудь другой. Но она знает... Что он уже заварил мате, а на плите шипит омлет с помидорами. Он поцеловал ее в лоб, просто и нежно. Это похоже на обещание длинных предложений на пожелтевшей бумаге. Он набросил клетчатый плед ей на колени, хотя не холодно, совсем не холодно...

— Я сейчас, — произносит он почти шепотом и скрывается за дверью комнаты. Хруст, шуршание, шипение... Пластинка крутится в орбите лет.

Por una cabeza
Todas las locuras,
Su boca que besa
Borra la tristeza,
Calma la amargura.*

---

* Из-за одной головы
все это сумасшествие.
Ее губы, целуя
уносят грусть,
и успокаивают горечь.

Близкое объятие. Обрывки дыхания и взглядов. Амбровые кудри его волос.

— А смогу ли я вернуться, Хулио?..

— Конечно. И остаться тоже. Одновременно. Без разрывов и надломов. Все уже случилось, детка. Так чего же ты боишься? Болео!

И она закидывает ногу, выше, смелее. Тело — натянуто как струна. Очо, хиро... До окончания танды. Присаживается за столик с Аней.

— И когда в Москву?

— Как можно скорее. Завтра поменяю билет на ближайшую дату.

— А я так не хочу уезжать! Лида... Как ты думаешь, Пабло хоть немного грустно меня отпустить?

— Да. А тебе без Сережи?

— Нет. Зимой не могла дожждаться, когда он уедет.

— А он?

— Он был таким тихим... Выходил только на практику или милонгу. А целыми днями лежал и смотрел в потолок. Я его уже просто ненавидела. Мне он сказал, что я такая же как все: охочусь за аргентинскими мачо. Представляешь?! Это после того, как столько лет скрывал наши отношения ото всех. Кстати, он все спрашивал о тебе. Когда приедешь, и вообще, как ты.

— Да... Не пересеклись.

— Поедешь в «Ла веруту»?

— Нет, я устала. Пойду спать. А ты?

— Еще только четыре утра! Я могу встретить там Пабло...

— Что ж... Hasta luego.

«И единственное возможное слово, которое никак не выговоришь, только думаешь о нем беспрерывно...» Из этого окна ты смотрел, собирая крупинки сюжетов? Я буду приходить к тебе. Потому что куда мне еще идти? «Если уже так есть...» Хулио, дорогой... Успокой меня.

Возвращается. Сквозь печаль, обрывки счастья, разлетевшиеся, разметавшиеся, сквозь пропасть, разверзшуюся между ними, — она приближается к нему. Потому что так есть... Так должно быть... Витольд. И Киану.

Малыш аккуратно поправляет подушки на кровати: «Нас трое, мамочка. И мы всегда должны быть вместе».

Но где-то... Под окном... Ее продолжает ждать. Ангелом он захотел быть. Спасти, вернуть ее.

— Лида, Лида... Пора в Сергиев Посад. Тебе нужно поехать, перешагнуть рубеж. Полторы тонны, а дальше — весь мир перед тобой.

Он курит. Дым сочится, связывая их горьковатой полоской тумана. Черные глаза Георгия наполняются влагой, кровью: «Ты должна.»

Обрести прощение?..

Подчиниться судьбе?..

Защитить семью?..

Или совершенствоваться... В танго...

— А знаешь, Лида, я тоже танцую.

— Серьезно?

— Да.

— Нужно нам попробовать вместе.

— А то! Это будет совпадение. Абсолютное. Я уже чувствую, как ты улавливаешь малейший импульс... Только бы тебе соответствовать.

— Какой ты сегодня... Соскучился?

— Все из-за твоей перчатки. Ты как-то ее забыла у меня в машине. И она все напоминала, напоминала о тебе. Твоим запахе, твоей улыбке...

— Лучше на дорогу смотри.

— Он давит на газ. Машина дергается в спазме скорости. Дребезжат стекла от ветра. На мгновение она закрывает глаза. Вот сейчас, сейчас... Разобьемся. Добро и зло. Равновесие в мире. Но вдруг тише, медленнее... Спала лихорадка темпа. Поворот на Сергиев Посад. Ждет и жаждет. Демон.

Она обматывается войлоком. Надевает валенки. Запрокидывает голову. Жим ногами лежа. 200, 400, 550... Трещит металл. Как же она устала. Душу мою захотел?... 800. И снова солнце в глаза. Как тогда... Маленькие голубые зрачки смотрят на нее, умоляя остаться. 1100...

— Андрей Иванович, может, хватит ей на сегодня? — спрашивает Вика, сдувая белую прядь со лба.

— Я еще хочу! — шипит Лида.

— А силы есть?

— Больше чем вы думаете, Андрей Иванович!

— Ну... Хозяин-барин.

Георгий нанизывает новые стальные кольца на гриф, слегка пошатываясь от напряжения.

Волна обдает его — страха и сомнения.

1300...

Никто и никогда... Больше не посмеет. Освобождение. Любой ценой. Витольд и Киану — всегда внутри. Чтобы не случилось. И этого не изменить. Это только тело. Оно подчиняется волеизъявлению. 1550.

Глубокий вдох. Река понесла ее. Быстрая горная река. Ризотто с овощами был необыкновенно вкусным в этом итальянском ресторане... Она приподняла голову. Мокрый платок соскользнул с ее лба.

— Вернулась, красавица?

— Ты же знаешь, я всегда возвращаюсь. А где все?

— Уже нет никого. И нам тоже пора.

— Георгий, ты поезжай. Лидии еще нужно в себя прийти. Я вечером в Москву собираюсь с одним человеком, мы ее отвезем. — Крупной когтистой ладонью хлопнул его по плечу. — Кофе будешь, Лида?

— Да.

— Сейчас принесу.

Наклоняется к ней. Так близко... Ее дыхание, ее кожа... Ее глаза. Зеленая бездна ее глаз.

— Не уходи. Мне конец. Ты не понял? — обвиняет его шею руками.

— Лида... — прижимает ее так сильно, что перехватывает дыхание. — О чем ты?

— Георгий, ты все знаешь. Ты же мой ангел, не можешь не знать. Загляни в свое сердце. И вернись за мной. Через десять минут после того, как выйдешь отсюда.

Ее слова кипящим маслом разливаются в голове. Все это бред. Он ему как отец. Как отец... Но от чего так горько, так невыносимо? Он падает в ее волосы, в ее губы... Сладкие черешневые сады в Тбилиси...

— Не помешал? — скрипучий голос над ними сверкает острым лезвием. — Все, Георгий, тебе пора.

Ступенька, другая... Первый этаж. Распахнута дверь. Заведен мотор. И вдруг лепестки, белые лепестки сыплются в ладони, на лицо... Окутывая невероятной нежностью. Не достать сигарету — трясутся пальцы. Ее ресницы на его щеке... Бросает смятую пачку на землю и бежит, бежит...

Там у окна... Он тянет к ней щупальца... Змеи... Впивается в нее. Отец, его отец умер. Он был убит двумя выстрелами. А здесь только зло, всеобъемлющие. Которое хочет разодрать его девочку... Может, и не его... Но одно мгновение в черешневом саду, когда спокойно и сладко... Когда вся жизнь впереди.

Бежит... Сквозь металл. Одним рывком, пока он не успел опомниться, выталкивает его в окно. Хруст, треск старой рамы. Свист и удар. И все уже где-то очень далеко... Неуклюжее тело в пыли с торчащим из груди стальным прутом.

— Вот и все... — шепчет Лида. Мокрой ладонью обхватывает ее запястье, привлекая ее к себе. Сквозь шипы разбитого стекла доносится щебетание птиц. Близкое, очень близкое объятие... Идеальное совпадение тел. Один вздох на двоих. Вздох смерти, струящийся по безупречно голубому небу. Ее волосы на его щеке. Дрожь судорогой проносится по его рукам, взгляд ползет вниз... Он тянет ее за собой.

— Нет, не надо. Не надо, Георгий...

Капля пота с его виска падает на ее губы, которыми она вовлекает его в танго, в поцелуй, в бессмысленное обещание будущего счастья...

— Скорее! Пора. Пора уходить.

По ступенькам, в черный джип, рассекая немой асфальт.

— Как же... Как же... Я...

— Это не ты. Это он. И еще Леша.. Втянул меня и спрятался. Хотел задушить в лесу, но не смог. Ты — мой ангел.

— Леша... Заскочим сейчас ко мне, а потом навестим его. Ты пока позвони, узнай, где он. Вспыхивает искра зажигалки, изо рта вылетает едкая струя дыма, оседая в ее легких крупной дрожью. Сейчас уже не уйти. Теперь он хочет — ей обладать.

И вот уже узкие улочки Таганки. Из серебристой Тойоты высокая широкоплечая фигура Леша. Приоткрывается задняя дверца, мелькают белокурые локоны девочки... Которых, ослепленный яростью, не замечает Георгий. Что-то черное из-под куртки... Прыжок восьмилетней девочки к отцу на руки. Оглушающий взрыв выстрела. Как алые паруса развиваются ее волосы. Долгий крик, не разобрать чей. Вопль города, переполненного жестокостью и смертями.

Лида быстро выскальзывает из машины и бежит прочь. Ангелом... Ты захотел быть.

— Тебе по-прежнему никто не звонил?

— Нет, Ирочка. Слава Богу, нет.

— А Леша?

— Так и сидит в психушке. Он по-прежнему утверждает, что я умерла. Поэтому все остальное всерьез не воспринимают.

— А Георгий... Не жалеешь, что на похороны не пошла?

— Это было слишком рискованно. Оказал сопротивление при задержании, убит на месте. И тут я... Хватит уже.

— Да, дорогая, хватит...

— Я побегу. Меня уже Витольд с Киану заждались. Лео — привет!

— Обязательно.

«И полил дождь, и пришло наводнение, и подул ветры и обрушились на тот дом, но он не упал, потому что был основан на скале.»

Сегодня я ненадолго, Хулио. Даже не знаю, как все это рассказать... И стоит ли?.. Просто кофе, разорванные афиши и звуки сакса... И этот навязчивый шепот... Он поднимается над черно-белыми фотографиями в деревянных рамках, где я у мамы на руках... выскальзывает из телефонной трубки и с пожелтевших страниц книг. Он живет даже в моей подушке. Особенно там... Ты слышишь его, Хулио? Пронзительный шепот тишины? Я ненадолго. Просто успокой меня, дорогой...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. И небо над ними еще более мутное, поднимает внутри стаю гнилых листьев и невыполненных обещаний... ..	6
2. Из глубины чего-то темного, все еще не теряющего надежду на мгновение света... Смотрит, размешивая густой сахар, постепенно растворяющийся... ..	16
3. И Господи, как пахнет осенью, мхом, увядшими цветами, оброненными на сырую землю, и еще горечь дыма от недавно потухшего костра	26
4. «Тангеро» провожает их словами, застрявшими в горле пустых коридоров. Восковые огни тают на влажных улицах Буэнос-Айреса	35
5. Очень страшно... Оказывается... Когда кто-то так близко. Не ненавидеть его. И даже, если злость подступает к горлу, как рвота, делать простые шаги... ..	46
6. Он курит — много, глубоко затягиваясь болью и безысходностью. И пока он торопливо, неровным почерком что-то записывает в тетрадь, она кладет ему голову на плечо	58
7. Ангелом... Он захотел быть. Нести свет сквозь темноту.	68
8. Не стоит искать смысл — его нет. И вот когда понимаешь это... Начинается танго.....	78
9. Слипаются веки. Она не замечает, как он бесшумно подходит и садится рядом.....	87
10. Впивается жало мертвой пчелы. В мясо на улице... ..	97
11. Спрашивает себя, и этот вопрос превращается в воду, в хлеб, в воздух.....	107

Мария Мансурова
Говорящая тишина
Роман

Корректор *М. Джавадян*
Компьютерная верстка *Е. Конова*

Подписано в печать 22.07.2013. Формат 84 × 108/32
Усл. печ л. 3,75. Тираж 1000. экз. Заказ № 5078

Официальный сайт автора:
www.mansurova.com